

МОСКОВСКОЙ
ЖУРНАЛЪ.

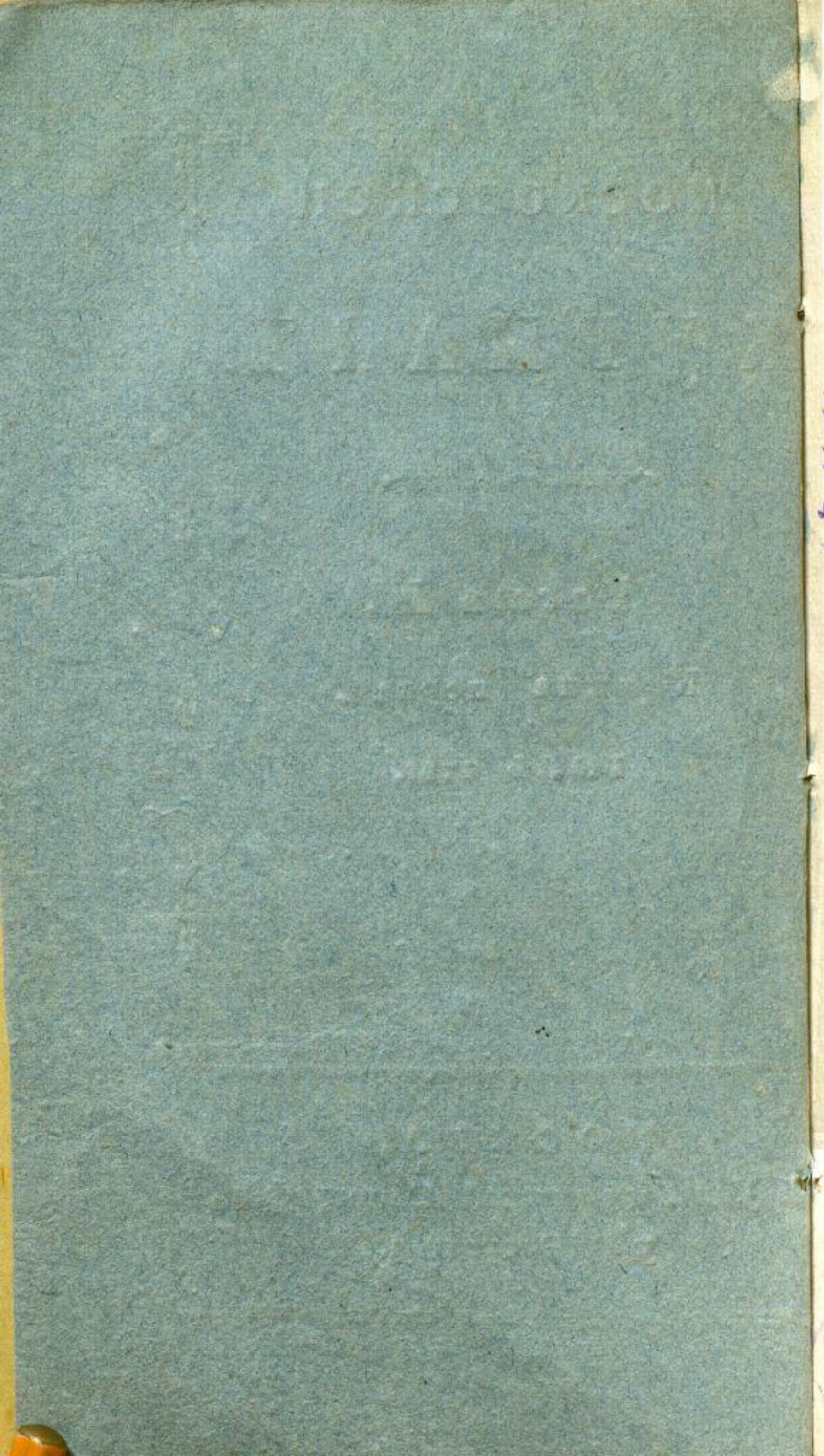
Часть III.

Книжка первая.

июль 1791.

МОСКВА,
въ Университетской Типографіи,
у В. Окорокова.

53624 1Рс ^{неч} 824

МОСКОВСКОЙ
ЖУРНАЛЪ.

Pleasures are ever in our hands or eyes.

Popl.

Часть III.

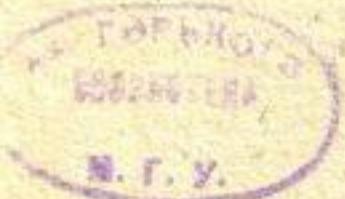

МОСКВА,

ВЪ Университетской Типографії,
у В. Окорокова.

1791 года;

рэг. 3398

ОДОБРЕНИЕ.

По приказанию Императорского Московского Университета Господъ Кураторовъ я читалъ сию книгу, подъ заглавиемъ: Московской Журналъ, Частъ III, и не нашелъ въ ней ничего противнаго настасленію, данному мнѣ о разсматриваніи печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ; почему оная и напечатана быть можетъ. — Коллежскій Совѣтникъ, Краснорѣція Профессоръ, Цензоръ печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ и Казалеръ,

АНТОНЪ БАРСОВЪ.

МОСКОВСКОЙ ЖУРНАЛЪ.

Часть третія. Книжка первая.

Мѣсяцъ Іюль.

I.

КЪ БОГИНЪ ЗДРАВІЯ.

Сойди, сойди богиня,
Сойди ко мчъ съ небесъ,
Цвѣтуща Игэя!

Снеси златый сосудъ
Съ дѣлбнымъ пиптіемъ!

* * *

Успа мои завяли,
Въ глазахъ весь огнь погасъ,
И сердце помно бьется;
Едва дышать могу —
Едва, едва живу.

* * *

И червя оживляешъ
Небесная роса;
И травку освѣжаешъ
Вечерній вѣшерокъ:
Всегда ли мнѣ спрадать?

* * *

Хотя едину каплю,
Посланница боговъ,
Хотя едину каплю
Пролей въ мои уста —
И буду исцѣленъ!

* * *

Сойди, сойди богиня,
Сойди ко мнѣ съ небесъ,
Цвѣтущая Игея!
Снеси златый сосудъ
Съ цѣлебнымъ питіемъ!

II.
СТАНСЫ.

Тдѣ ты, мой другъ? — Куда ты скрылось;
Прекрасно солнце отъ очей?
Печально небо обложилось;
Уже и свѣтъ лешилъ съ полей.

* * *

Возстанетъ ли заря красиво,
Когда при ней не будешь ты?
И лѣсь о томъ шумитъ гнѣвливо,
Что праздну пѣнь даютъ листы.

* * *

Паспухъ со спадомъ изъ дубровы
Спѣшишъ отъ пучи громовои;
Но смѣлъ либъ грянушъ громъ суроый,
Когда бы здѣсь былъ образъ твой?

* * *

Смущенны ручы грозою,
Смущенны болѣе шоской,
Подняться силишся волною,
Какъ будто ищущъ взоръ драгой.

* * *

А камень сей мнѣ вспоминаешъ,
Какъ ты на немъ вѣнки плела:
Легко ль, что камень подтверждаетъ,
Какъ ты чувствиельна была! —

* * *

Прощите мнѣ, мѣста прекрасны,
Что множу вашу я напасть!
Слова перемѣнишъ нещастны
Препятствуешь и грусть и спасть.

* * *

Слезами спруны орошены
Уныло подъ рукой звеняшъ;
Душею персты провожденны
Пришпорну радость обличатъ.

* * *

Хотя бъ веселыми словами
Могъ быть унылый духъ скрытъ,
Но иссомнѣнно предъ очами
Откроетъ правду томный видъ.

* * *

А ешьли ты, о другъ мой милой!
Придешь опять въ сей грустный край,
Не тратъ красотъ тоской унылой
И спрасти щептной не пипай.

* * *

Сплети, сплети вѣнокъ зеленой,
Любимый цвѣтъ мой вспомяни,
И окропя слезой безцѣнной,
На гробъ мой брось его — вздохни!

N. N.

(Сообщены изъ Петербурга.)

III.

БЫЛЬ.

Уже опять орлы Россійски
На дерзостныхъ своихъ крылахъ
Несутъ въ предѣлы Византійски
Съ отчаяніемъ спыдъ и страхъ.

* * *

Лю-

Любовь къ отечеству , звукъ славы,
Чеспонову проникши грудь ,
Гласяще ему : Оспавь забавы !
Россъ именемъ и дѣломъ будь !

* * *

Хотя въ спѣнахъ роскошна града ,
Въ Москвѣ , Чеспонъ восписанъ былъ ;
Но Россы всѣ усердны чада :
Для славы все Чеспонъ забылъ .

* * *

Пылая благороднымъ рвеньемъ
Себя во брани ошичишь ,
Желаетъ онъ со нетерпѣньемъ
Въ геройскій сонмъ себя включить ,

* * *

Опецъ на то соизволяешъ ,
И нѣжна мать съ пролитьемъ слезъ
Чеспона въ путь благословляешъ ,
Вруча его въ покровъ Небесъ .

* * *

Уже для юнаго Героя
Наспалъ разлуки горькой часъ .
Опецъ , печаль внутрь сердца коя ,
Простеръ къ нему дрожащей гласъ :

* * *

, Ступай, мой сынъ, своею кровью
,, Отеческву вѣнцовъ искать ;
,, Пылай къ нему всегда любовью ,
,, Котору щадился я внушать.

* * *

, Будь вѣрный сынъ, будь храбрый воинъ ;
,, Но будь чувствителенъ пришомъ.
,, Сугубо лавровъ щопъ доспоинъ ,
,, Кто слезы льетъ и надъ врагомъ.

* * *

, Проспи ! , — По семъ ему вручаешь
Ружье , служилъ съ которымъ самъ ;
И взоры щопчасъ отвращаешь ,
Свободу давъ своимъ слезамъ,

* * *

Честонъ едва сей даръ опасный
Пріялъ препещущей рукой ,
Какъ вдругъ — о рокъ ! о день зла-
щаспный ! —
Раздался выстрелъ громовой.

* * *

Родишли безъ чувствъ упали —
Честонъ окамененъ споишъ.
Какой ударъ Судьбы наслали !
Сестра предъ нимъ въ крови лежитъ . —

* * *

Не.

Несчастнейший Честонъ готовилъ
Удары смертны на враговъ;
Но прежде, ахъ! сестръ устроилъ
Единокровной смертный ровъ.

* * *

Въ минуту вѣчна разлученья
Сестру свою онъ упѣшалъ
Въ слезахъ надеждой возвращенья,
И лавръ принесъ ей обѣщалъ.

* * *

Но се ея закрылись вѣжды,
И въ жилахъ охладѣла кровь!
Честонъ! не льстись лучемъ надежды;
Не лавры, кипарисъ гоповъ.

* * *

Весь домъ обѣялъ печали мракомъ;
Всечасно слышны вопль и стонъ;
И только то лишь служиша знакомъ,
Что живъ съ родителми Честонъ.

* * *

Уже въ ихъ храмины нещастны
Не проницаетъ солнца свѣшъ;
И день и ночь для нихъ ужасны,
И смерть на прагѣ ихъ спрѣжетъ.

И.

IV.

МЫСЛИ ОГЛОХШАГО МОЛОДАГО
ЧЕЛОВѢКА (*).

Я глухотѣй своей хвалу теперъ пою,
И глухотою веселую.
Отъ всѣхъ людей я удаляюся,
И въ птишинѣ весели я буду жизнь мою.
Не буду я пустыхъ ужь слышать раз-
говоровъ,
— Ни браней и ни споровъ.
Всѣ глупые *боннио*, вранье все щеголей
И ложь и хвастовство сихъ скучныхъ
миѳъ людей
Терзашь теперъ мой слухъ никакъ не
будутъ болѣ
Я спану жить по волѣ.
Пускъ буду я глухой ;
Но буду я всегда добромъ тѣмъ насла-
ждаться
Котораго во вѣкъ имъ въ свѣтѣ не
дождаться

(*) Издатель благодаритъ молодаго Сочинише-
за сію піесу. Признаніе Аглаи будеть напеч-
тано въ которомъ нибудь изъ слѣдующихъ
мѣсяцій Журнала.

А то добро — покой.

Старушка ль нѣкая мнѣ спанетъ говориши,
Что ешьли пожелашь Творцу намъ угодиши,

То нужно всѣхъ бранить,
Про новизну болтать, и только свѣч-
ки спавиши,

Чтобъ рай себѣ доставиши:
Я головой кивну, но не услышу я
Того преглулага вранья.

А ешьли франтъ какой, распрыскан-
ной духами,

Явившися предъ глазами,
И спанетъ толковать, любуясь собой,
О томъ, что нравившися въ Москов-
скомъ модномъ свѣтѣ,

О фракѣ, о карете,
О Хлоѣ, о Лизете:

То я опять на то кивну лишь головой.
По томъ когда мудрецъ, иль мнимой
Философъ,

Наскажетъ много словъ
О Богѣ, о вселенной,
О жизни нашей плѣниой,

А кончимъ рѣчь свою чѣмъ, что и
Бога нѣтъ:
То головой пляхнушь весь будешь мой
отвѣтъ,
Вотъ чѣмъ я глухотѣ своей обязанъ
буду,
И вѣкъ оставшись глухъ, я глупости
забуду.

В. П.

V.

ЭПИГРАММА.

Кто хочетъ, шопъ нещастья прусь!
Философъ говорилъ: Ко отвращенью
бѣдства

Я знаю вѣрны средства:
Я въ добродѣтель облекусь. —
Ну, подлинно! сказалъ невѣжда:
Вотъ сама легкая одежда!

И.

VI.

Софія.

(Окончание.)

СЦЕНА IV.

Въ Софіиной деревнѣ среди Брян-
скихъ лѣсовъ.

(Анна, старая девка, взметъ чулокъ;
Иванъ, стирой слуга, топитъ
песъ.)

Анна. Смотри же, Иванъ, напо-
пи горницу по теплѣ. Барыня все
забыла; да и у меня руки корчатся,
такъ что чулокъ мой не спорится.
Кажется еще и Октября нѣть, а хо-
лодъ не на шушку.

Иванъ. Да, Аниушка, пришлось
мнѣ подъ старость топить горницы.
Плачусь Богу, а слезы вода.

Анна. Куда какъ ты нѣженъ!

Иванъ. Дорога честь, Аниушка.
У барина было мнѣ не таково жить.
Ты знаешь, какъ онъ меня жаловалъ.
Только было мнѣ и дѣла, что варить
чай да кофе. Правду говорятъ, что
время переходчиво.

Анна

Анна. Всѣ мы это говоримъ,
другъ мой, да что дѣлать!

Иванъ. Коли бы я не боялся
грѣха - - -

Анна. Ну, что жь бы ты сдѣ-
лалъ?

Иванъ. Только бы и жить - -

Анна. Кому?

Иванъ. Тому, кто вчера посу-
лилъ мнѣ, спарику, трисна лозоновъ
за то, что я не хотѣлъ самъ при-
нести дровъ.

Анна. Пришлось терпѣть. Мы
служимъ не ему, а барынѣ.

Иванъ. Бѣдная, бѣдная барыня!
Всякое воскресенье спавлю я свѣчу
Николаю Чудотворцу, и молю святова
Угодника, чтобы онъ спасъ ея душу.

Анна. Она погубила себя.

Иванъ. Злодѣй ввелъ се въ смер-
тной грѣхѣ. Пословица говоритъ: у
бабы волосъ дологъ, да умъ коротокъ.
Она развѣяла уши его слушала - -

Анна. Знаешь ли, Иванъ, что я
думаю? Ужъ не приворотилъ ли онъ
ее къ себѣ какими нибудь кореньями?

Иванъ.

Иванъ. Не кореньями, а гладкими словами. Лихо разъ поддаться Сапанъ, а то не увидишь, какъ очутишься въ адѣ.

Анна. Пресвятая Богородица помилуй ее!

Иванъ. Ты молись за нее, а онъ шепчетъ ей въ уши: нѣтъ ни Святыхъ, ни Богоматери!

Анна. Меня по кожѣ подираетъ.

Иванъ. Какъ бы ты послушала, что онъ ей однажды за столомъ говорилъ!

Анна. А что?

Иванъ. Чѣто! Всего я не понялъ; а знаю только то, что онъ училъ ее Французской вѣрѣ.

Анна. Французской вѣрѣ!

Иванъ. У меня сердце обмерло.

Анна. Вонъ до чего мы дожили! Скоро будешь преставленіе свѣща.

Иванъ. Этова никто знать не можешъ, Аннушка.

Анна. Да коли уже жены отъ мужей уходяшъ, такъ чево ожидать добра!

Иванъ.

Иванъ. Вѣдь это бывало и въ спа-
рые годы, Аниушка.

Анна. Барыня кличетъ меня.

(*Уходитъ.*)

Иванъ. Пойти-было посмoшрѣть
не ушла ли и моя жена. (*Уходитъ.*)

СЦЕНА V.

(*Софія и ле-Гъенъ входятъ.*)

Ле-Гъенъ. Твое подозрѣніе оскор-
блляетъ меня.

Софія. Оскорблляетъ тебя? Въ са-
момъ дѣлѣ?

Ле-Гъенъ. Я не знаю; какъ мнѣ
говоришь; какъ изѣяснишь тебѣ, чѣмъ
я чувствую.

Софія. О! ты умѣлъ изѣяснять
свои чувства, тогда, когда въ вос-
торгахъ умиралъ на груди моей. Тре-
петаніе твоего сердца, огненные гла-
за твои, перерывающіяся слова, том-
ные вздохи — все, все было красно-
рѣчивымъ выраженіемъ любви твоей. А
теперь, когда сердце твое отъ люб-
ви утомилось; когда ласки твои спа-
ли холодны и принужденны; когда въ

глазахъ твоихъ видно мертвое равнодушіе, и скука заставляетъ тебя вздыхать: ты ищешь словъ, — говоришь языкомъ: я люблю тебя, Софія! а голосъ твой, взоръ твой, сердце твое говорятъ: я уже не люблю тебя, Софія!

Ле-Гленъ. Ты меня мучишь!

Софія. Проспи меня, другъ мой, что я прогаю чувствительное твое сердце!

Ле-Гленъ. Оно конечно чувствительно; оно любитъ тебя и тогда, когда ты мучишь его.

Софія. Много великодушія!

Ле-Гленъ. Я скажу только одно, Софія. Для чего бы мнѣ жить здѣсь въ мрачномъ уединеніи, въ эпой темницѣ непроходимыхъ лѣсовъ, если бы я не предпочиталъ тебя всему на свѣтѣ? Ты знаешь, какъ я любилъ городскія веселья, шумные забавы и многочисленныя общества; однимъ словомъ, какъ я привязанъ былъ къ себѣ, теперь мною оставленному, забытому для тебя, для любви. . .

Б

Со-

Софія. Ты хочешь упрекать меня
этюю жертвою?

Ле-Женъ. Не упрекать, а доказать тебе, какъ я люблю тебя.

Софія. Благодарна! Чувствую все что ты для меня сдѣлалъ и дѣлаешь; чувствую опять и то, что я для тебя ничего не сдѣлала и ни чѣмъ тебѣ не пожертвовала. Супругъ, благодѣтель мой, другъ мой, честь, добroe имя, спокойствие совѣсти — все это ничего не значить. Такъ ли, другъ мой?

Ле-Женъ. Я въ твоей любви не сомнѣваюсь, Софія.

Софія. А я въ твоей сомнѣваюсь? Даже и тогда, когда ты предлагаешь такія убѣдительныя доказательства? Какая несправедливость! — И такъ, ты все еще любишь меня, потому что ты все еще живешь со мною въ этой скучной деревнѣ? А если бы ты пересталъ любить меня?

Ле-Женъ. Тогда бы — —

Софія. Что бы тогда?

Ле-Гленъ. Тогда бы я оставилъ
тебя, Софія.

Софія (*съ жаромъ*). Ты бы оставилъ
меня? Ты бы оставилъ меня?
Меня, бѣдную, слабую женщину, ко-
торая жила и дышала тобою! Когда
бы я не могла уже возбуждать въ те-
бѣ сладоспрастныхъ вожделений, ты
бы оставилъ меня, такъ какъ броса-
ютъ игрушку, когда она уже не за-
бавляетъ насъ? — Ты бы меня оставилъ?
— Послушай: я женщина, однако
жь у меня есть сердце: (*съ свирѣпо-
стю*) бойся меня! (*Уходитъ.*)

Ле-Гленъ. Я въ самомъ дѣлѣ бо-
юсь тебя. — Какъ можно теперь ее лю-
бить? Надобно поскорѣе опять ее от-
дѣлаться. (*Задумывается — поти-
хоньку отворяются двери — Параша выглядываетъ.*) А, Параша! Поди,
поди сюда! — (*Обнимаетъ ее и са-
жаетъ къ себѣ на колѣни.*)

Параша. Чтобы насъ не увидѣли!

Ле-Гленъ. Не бойся, дурочка.

Параша. Что у васъ было съ барынею? Она очень сердита, и заперлась въ спальнѣ.

Ле-Гъенъ. Бѣсится.

Параша. Правда, что она очень бѣшена. Какъ ты можешь жить съ нею такъ долго?

Ле-Гъенъ (лаская ее). Твои черненькие глазенки меня за все награждаютъ. Какъ ты мила!

Параша. Лъстецъ!

Ле-Гъенъ. Посмотрись въ зеркало, еспѣли мнѣ не вѣришь — смотри...

Параша. Ай! ай! идушъ! идушъ! (Вырывается и бѣжитъ вонъ. *Анна* выходитъ и осматривается.)

Ле-Гъенъ. Чего ты ищешь?

Анна. Книги, сударь, которую барыня читашь изволишъ.

Ле-Гъенъ. Вотъ она. (*Уходитъ.*)

Анна (смотря за нимъ въ слѣдъ). Хорошо! хорошо! Я не хочу жива быть, еспѣли барыня рано или поздно этова не свѣдаетъ. — О мущины, мущины! (*Уходитъ.*)

СЦЕНА VI.

Въ деревнѣ Доброва.

(Представляется комната. Добровѣ лежитѣ на постель; племянникъ его сидитѣ подлѣ него и держитѣ его руку.)

Добровѣ. Нѣтъ, другъ мой! я чувствую конецъ свой. Не думай, чтобы смерть была для меня страшна — нѣтъ! я желалъ ее, такъ, какъ можешь желать смерти Христіанинъ. (Со вздохомъ) Послѣ того, что я вытерпѣлъ — — Боже, Боже мой!

Молодой Добровѣ. Дядюшка! дядюшка!

Добровѣ. Стыдись плакать! — Другъ мой! проливай слезы при рожденіи младенца, кошораго въ океанѣ мира ожидаютъ бури и вихри; но видя тихой конецъ спарца, совершившаго свое теченіе и проспирающаго неперпѣливыхъ свои объятія къ вѣчности, гдѣ надѣется онъ собрасть сладкіе плоды съ горькихъ слезъ здѣшней жизни — другъ мой! радуйся и желай,

чтобы конецъ твой былъ подобенъ
его концу.

Мол. Добровѣ. Чего вы пре-
буеше? — Мысль о вѣчной разлуки
съ вами — —

Добровѣ. Вѣчной? — Нѣтъ, другъ
мой; я надѣюсь съ тобою увидѣться.
Живи — помни меня — (чувство-
тельной молодой человѣкѣ со слезами
зѣлуетъ его руку) — помни, что я
разспался съ тобою въ надеждѣ ра-
достнаго свиданія. Доброе сердце твое
скажетъ тебѣ все прочее. — Припо-
дыми меня. — Хорошо. — Теперь
выслушай мою послѣднюю просьбу, ко-
торую конечно ты исполнишь (по-
жимаетъ его руку).

Мол. Добровѣ. Дядюшка! можеле-
ли вы просить меня!

Добровѣ. Ты знаешь нещасливую;
я никогда не говорилъ обѣ ней, опла-
кивая въ пишинѣ судьбу ея. Закрывъ
глаза мои, спѣши къ ней; скажи ей,
что я давно просилъ ее; что при-
послѣднемъ своемъ концѣ не желалъ я
ничего пакъ сердечно, какъ ея блага;

то блаженствомъ будущей жизни не
тогу совершенно наслаждаться, еспль-
ши ея участь будеть нещастна. О
еспль бы ты могъ тронуть, могъ
размягчить то сердце, которое не-
чувствительно было къ моей прозь-
бѣ! Правда, что я думалъ тогда бо-
лѣе о свѣтѣ, нежели о Богѣ — те-
перь думаю иначе. Да будеть твой
голосъ подобенъ гласу увѣщающаго
Ангела! Влей раскаяніе и упѣшеніе
въ душу, споль мнѣ любезную! Обра-
ти ее къ Богу, къ Богу! — Ты за-
крываешься — дай мнѣ обнять тебя.
(Молганіе.) Такъ ты исполнишь мою
прозьбу?

Мол. *Добрѣвѣ.* Я скажу все то,
что вы мнѣ приказываеше; но позволь-
те мнѣ надѣяться, что я еще не ли-
шаюсь васъ!

Добрѣвѣ. Другъ мой! еспль бы
можно было повелѣвать Нашурою! —
Я умираю спокойно. — Начинаю сла-
бѣть — — Положи меня. — Нѣтъ,
погоди. Позови сюда людей, еспль
они хотятъ со мною проспиться. —

Миъ тошно — тошно. — (Молодой Добровѣ поддерживаетъ его клонящуюся голову.) — Лай — дай — мнѣ опдохнуть. (Вздыхаетъ иѣсколько разъ тяжело, и опять подымается.) — Теперь позови ихъ. (Мол. Добровѣ выходитъ). — Боже! и такъ приближается часъ мой! — (Погружается въ забвніе. Мол. Добровѣ возвращается, становится на колѣни подлѣ постели и беретъ руку его. Пришедшиѣ съ нимъ люди также становятся на колѣни; горесть видна на лицахъ ихъ.)

Добровѣ (приходя въ себя). Ты здѣсь? — И вы здѣсь? — Друзья мои! прощите, прощите, естъли я когда нибудь былъ противъ васъ несправедливъ! (Люди плачутъ).

Одинъ изъ людей. Ты былъ отецъ нашъ!

Другой. Ты былъ намъ дороже отца и матери!

Третій. Мы бы рады были умереть за тебя!

Добровѣ. Благодарю васъ. Прощите, друзья мои! — Вотъ въ шѣ господинъ (указывая на племянника) — любише его. — Обнимите меня. (Люди цѣлюютъ его руки и рыдаютъ.) Просните! — проспи! (занавѣсъ закрывается).

СЦЕНА VII.

Въ Софіиной деревнѣ.

(Представляется комната. Софія входитъ и бросается на кресла.)

Какая тоска! какое мученіе! — Вездѣ мрачность, вездѣ пыма; нѣтъ свѣта для души моей! — Боже мой! — Но я не могу молиться; въ сердцѣ моемъ нѣтъ ни вѣры, ни надежды. Что со мною будешь? — Разумъ мой мѣшається; сердце мое наполняется адскою злобою. — Ужасно! ужасно! — Куда скрываюсь! (Уходитъ.)

СЦЕНА VIII.

(Входитъ Анна; за нею Иванъ.)

Иванъ. Я не знаю, надобно ли это сказать барынѣ.

Анна. Непремѣнио.

Иванъ. Да какъ же ты скажешь?

Анна. Я ужь знаю.

Иванъ. Что съ нею будетъ! Она и такъ почти какъ сумасшедшая.

Анна. Не бойся; она отъ эпова лучше въ себя придетъ.

Иванъ. Какъ бы она матушка приказала намъ раздѣлаться съ нимъ, такъ бы мы дали ему себя знать.

Анна. Ужь долго пили мы отъ него горькую чашу; теперь полно. — Присматривай же ты, Иванъ, за его людьми; а я пойду къ барынѣ.

Иванъ. Хорошо, Аннушка. (*Уходитъ въ разныя стороны*).

СЦЕНА IX.

(*Ночь. Комната, освѣщена слабо. Софія поспѣшно входитъ; волосы ея распущены, платье въ беспорядкѣ, лицо блѣдно; дикая свирѣпость видна въ ея взорахъ.*)

Ты меня оставишь, хочешь? Хочешь меня оставить, и смѣешься надо

мною?

чию? — Смѣйся! — Скоро самъ
ты будешь посмѣяніемъ ада! — Зло-
дѣй! ты почувствуешь силу руки мо-
ей! Запрещенъ внутренность твоя,
запрещенъ, и звѣрское сердце твое
распадется отъ удара моего! — Гдѣ
ты, орудіе моего мщенія, гдѣ? (Вы-
нимаетъ изъ кармана большой ножъ)
Я умѣю владѣть тобою! — (Зъютъ
тасы). Это часъ его смерти!

(Уходитъ.)

СЦЕНА X.

(Ясная осенняя ночь. Садъ.)

Ле-Гъенъ (слугѣ). Подѣлжайтесь
съ коляскою къ заднимъ дверямъ сада;
я шопчасъ выду.

Слуга. Слышу, сударь.

Ле-Гъенъ. Ну, поди! (Слуга хо-
тѣтъ итти). — Постой! — Что
это? Слышишь ли?

Слуга (испугавшись). Нѣтъ —
нѣтъ, сударь; я ничего не слышу.

Ле-Гъенъ. Мнѣ послышалось, что
кто-то спонетъ.

Слуга. Я ничего не слыхалъ.

Ле-Гъенъ. Поди! — (Слуга уходитъ). Я наконецъ боюсь, чтобы и мнѣ съ ума не сойти. Двѣ ноги срѣду видѣлъ я страшные сны, а теперь мнѣ уже паяву чудится. Сумасшествіе заразительно; каждой дикой взорѣ ея возбуждается въ моемъ воображеніи какои нибудь ужасной образъ. Мнѣ бы давно надобно было уѣхать отсюда. — Пойдемъ, пойдемъ! Вѣтреная Параша разсѣетъ дорогою мрачныя мысли мои, которыя пропивъ воли приходяще мнѣ въ голову. — Странны и непонятны дѣйствія души нашей! Пріѣхавъ въ Москву, спану читать философовъ, чтобы лучше узнать самого себя. — (Изупаетъ карманъ) Тутъ ли деньги? Въ этомъ пакетѣ было у нее, кажется, десять тысячъ; иной взялъ бы и бриллианты, а я не допронулся до нихъ: довольно честности! — (Садится на лавку и задумывается. — Прибѣгаетъ Параша, осматриваетъ и бросается къ нему на шею.) А! наконецъ явилась.

П.

Параша. Я насили у могла разстатьсь съ машушкою. Мнѣ стало такъ грустно, такъ грустно!

Ле-Гъенъ. Полно, дурочка! не говори мнѣ о грустни. (Обнимаетъ ее. Софія показывается изъ алеи, бросается на ле-Гъена, и ранитъ его ножомъ въ шею).

Софія. Злодѣй!

Параша. Ай! ай! (убѣгаетъ).

Ле-Гъенъ. Чудовище! (Хотетъ схватить ее за руки, но она успѣваетъ еще ранить его въ грудь).

Софія. Умри! умри! (Бросаетъ ножъ и уходитъ).

Ле-Гъенъ. Убийца! — Люди! — люди! — Никто не слышитъ. (Шатается и хватается за дерево). Слабью — кровь льется. (Хотетъ идти, но въ двухъ шагахъ отъ дерева падаетъ). Нѣтъ силъ! — Я зарѣзанъ! — Не уже ли пришелъ конецъ мой? — Это кровь — я весь въ крови. — (Силится встать, но не можетъ, и опять падаетъ на землю.) Нѣтъ! — И такъ мадобно умереть, умереть! — И такъ

такъ внезапно! такъ скоро! — (Зажимаетъ рукою рану въ груди). Умись, уймись, горячая кровь! — Онъ льется изъ сердца. — Я дрожу — въ глазахъ темнѣетъ — не вижу ни неба ни звѣздъ. — Всему ли конецъ? — Умрѣже! (Валится по песку — смертныя конвульсіи — занавѣсъ закрывается).

СЦЕНА XI.

(Хурная осенняя ночь. Лѣсъ по берегу рѣки. Софія бродитъ въ супаeschествии по лѣсу.)

Бурные вѣтры! разорвите черныя облака неба, чтобы моря пролились на землю и смыли съ меня огненную кровь! — Все во мнѣ перегорѣло! — Въ жилахъ моихъ течетъ пламя! — Моря, пролейтесь! — — Кто, кто свиститъ мнѣ въ уши? Черная большая пѣнь. Какъ спрашно! — Кто клянетъ меня? — Это голосъ моего супруга. Обманщикъ! ты увѣрялъ, что онъ проспилъ меня! — Моря, пролейтесь! Кровь налилъ меня. — Гро-

мы! заглушише свисшъ черной тѣни
и проклятие моего супруга! — Гдѣ
я? — Въ Аду? — И умереть не
льзя? — Страшно! спрашно! —
(Подходитъ къ рѣкѣ) — Вода! вода!
(Бросается въ рѣку и утопаетъ).

VII.

ФРОЛЬ СИЛИНЬ, БЛАГОДѢТЕЛЬНОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Пусть Виргиліи прославляють
Августовъ! Пусть краснорѣчивые
льстцы хвалятъ великодушіе Знан-
ныхъ! Я хочу хвалить Фрола Силина,
проспаго поселянина, и хвала моя бу-
детъ состоять въ описаніи дѣлъ его,
миѣ извѣстныхъ.

По сїе время не могу я безъ сер-
дечнаго содроганія вспомнить того
спрашнаго года, которой живетъ въ
памяти у Низовыхъ жителей подъ
именемъ голоднаго: того лѣта, въ
которое отъ долговременной засухи
пожелѣвшія поля орошаены были
единѣми слезами горестныхъ поселянъ;
той

той осени, въ которую, вмѣсто обыкновенныхъ веселыхъ пѣсенъ, раздавались въ селахъ спенанія и воинъ отчаянныхъ, видящихъ пустоту въ гумнахъ и жипницахъ своихъ; и той зимы, въ которую цѣлые семейства оставя дома свои, просили милостиши на дорогахъ, и не смотря на выюги и морозы, цѣлые дни и ночи подъ открытымъ небомъ на снѣгу проводили. Щадя чувствительное сердце моего Читателя, не хочу описывать ему ужасныхъ сценъ сего времени. Я жилъ тогда въ деревнѣ, близъ Симбирска; былъ еще ребенокъ, но умелъ уже чувствовать какъ большой человѣкъ, и спрадалъ, видя спраданіе моихъ ближнихъ. — Въ одной изъ нашихъ сосѣднихъ деревень жилъ — а можетъ быть живетъ еще и теперь — Фролъ Силинъ¹, трудолюбиво поселянинъ, которой всегда лучше другихъ обрабатывалъ свою землю всегда болѣе другихъ сбиралъ хлѣба, и никогда не продавалъ всего, что сбиралъ; почему на гумнѣ его стояло

всегда нѣсколько запасныхъ скирдовъ. Пришелъ худой годъ, и всѣ жители той деревни обнищали — всѣ, кроме осторожнаго Фрола Силина. Но осторожность была не единственою его добродѣтелію. Вместо того, чтобы продавать хлѣбъ свой по дорогой ценѣ и, пользуясь случаемъ, разбогатѣть вдругъ, онъ созвалъ бѣднѣйшихъ изъ жителей своей деревни и сказалъ имъ: „Послушайте, братцы! Вамъ теперь нужна въ хлѣбѣ, а у меня его много; пойдемъ ко мнѣ на гумно; пособите мнѣ обмолотить скирда четыре, и возьмишь себѣ, сколько вамъ надобно на весь годъ. „Крестьяне остолбенѣли отъ удивленія — ибо и въ городахъ и въ селахъ великодушіе есть рѣдкое явленіе! Слухъ о семъ благодѣянїи Фрола Силина разнесся въ окрестности. Бѣдные изъ другихъ жительствъ приходили къ нему и просили хлѣба. Доброй Фролъ называлъ ихъ братьями своими, и ни одному не отказывалъ. „Скоро мы раздадимъ весь хлѣбъ свой, — говорила ему жена. „Богъ величъ давать просящимъ,,

щимъ,, — отвѣчалъ онъ. — Небо
услышало молитву бѣлыхъ, и благо-
словило слѣдующій годъ плодородіемъ.
Поселяне, одолженные Фроломъ Си-
линымъ, явились къ своему благотво-
рителю, и отдавали ему то количе-
ство хлѣба, которое у него взяли,
и еще съ лихвою. „Ты спасъ насъ и
дѣтей нашихъ отъ голодной смерти,
говорили они: одинъ Богъ можетъ за-
плашить тебѣ за твое доброе дѣло;
а мы возвращаемъ съ благодарностью
то, что у тебя заняли.„ Мнѣ ни-
чего не надобно, отвѣчалъ Фролъ:
у меня много нового хлѣба. Благо-
дарите Бога; не я, а Онъ помогъ вамъ
въ нуждѣ. — Напрасно приступали
къ нему призапельные должники его.
„Нѣпъ, братцы — говорилъ онъ —
нѣпъ, я не возьму вашего хлѣба; а
когда у васъ есть лишній, такъ раз-
дайте его тѣмъ, которые въ про-
шлую осень не могли обсѣять полей
своихъ и теперь нуждаются; въ на-
шемъ околодкѣ не мало такихъ най-
дется. Поможемъ имъ, и Богъ благо-
словитъ насъ!,, —,, Хорошо (сказа-

ли тронутые поселяне, проливая слезы) хорошо. Будь по швоему! Мы раздадимъ этотъ хлѣбъ нищимъ, и скажемъ, чтобы они вмѣстѣ съ нами молились за тебя Богу. Дѣши наши будутъ также за тебя молиться.,

— Фроль вмѣстѣ съ ними плакалъ и смотрѣлъ на небо; что онъ тамъ видѣлъ — ему, а не мнѣ извѣстно.

Въ одной сосѣдней деревнѣ сгорѣло четырнадцать дворовъ: Фроль Силинъ послалъ на каждой дворѣ по два рубля денегъ и по костѣ.

Черезъ нѣсколько времени послѣ того сгорѣла другая деревня. Поселене, лишенные почти всего имущества своего, прибѣгнули къ извѣстному великодушію Фрола Силина. На этотъ разъ не было у него денегъ., У меня есть лишняя лошадь, сказалъ онъ: возьмите и продайте ее.,

На имя господина своего купилъ онъ двухъ дѣвокъ, выпросилъ имъ оппускныя, содержалъ ихъ какъ дочерей своихъ, и выдалъ за мужъ съ хорошимъ приданымъ.

Еспыли ты еще не оставилъ насъ, другъ человѣческva, и не преселился въ міръ тебя доспойнѣйшій, въ міръ Ангельской, гдѣ рука Милоспи поставитъ тебя выше многихъ Царей земныхъ: то конечно и теперь благотвориша ты ближнему и возвышаешь небесной санъ свой! По особливому случаю, и въ отдаленіи узналъ я дѣла твои; живя близъ тебя, я не зналъ ихъ. Когда буду въ мѣстахъ, тобою украшаемыхъ, то съ благоговѣніемъ приближусь къ твоей хижинѣ, и поклонюсь добродѣтели въ лицѣ твоемъ. Но еспыли не найду тебя живаго, то велю проводить себя ко гробу твоему, и на безчувственную землю пролью слезу чувствительности; сыщу бѣлой камень, положу его на твою могилу, и собственною рукою вырѣжу на немъ слова сїи: *Здѣсь покоится прахъ благодѣтельного человѣка.*

Просвѣщеннѣйшая нація въ Европѣ посвятила великолѣпной храмъ

храмъ (*) мужамъ великимъ, мужамъ, которые удивляли насъ своими дарованиями. Съ покровенною головою не пройду я мимо сего мѣста; но безъ слезъ сердечныхъ не прошелъ бы я мимо храма, посвященнаго добрымъ изъ телосущества — и въ семъ храмѣ надлежало бы соорудить памятникъ Фролу Силичину.

С М Ъ С Ъ:

1. Дѣвица дѣ Еонъ, которая подъ именемъ Кавалера дѣ Еона играла въ свѣтѣ довольно важную роль, живетъ нынѣ въ крайней бѣдности, не получая съ нѣкотораго времени пенсіи, которую опредѣлилъ ей Людовикъ XV. Она принуждена была въ Лондонѣ продать съ публичнаго торгу свою библиотеку. Принцъ Валлисской, узнавъ о томъ, послалъ ей въ подарокъ стопиней. „Съ сердечною благодарносщю

В 3

(пи-

(*) Въ Лондонѣ въ Вестминстерскомъ Аббатствѣ поставлены монументы многимъ славнымъ Англійскимъ Авторамъ.

(пишеть она къ нему) принимаю и
милоспивой даръ Вашего Высочества,
служащій доказательствомъ Вашей чув-
ствительности. Худо бы отвѣчала я
съ своей стороны Вашему велико-
душію, еспѣли бы отъ гордости, свой-
ственной Французскому Аристократу
или Аристократкѣ, не захощѣла при-
нять его. Добродѣтель и благодар-
ность важнѣе мнимаго благородства —
и я буду всегда славиться Вашими
благодѣяніями.,, — Приведя нѣсколь-
ко стиховъ изъ Горадія, заклю-
чаешь она письмо свое такъ: „Есть-
ли бы онъ (т. е. Горадій) ожилъ,
то, забывъ своего Августа, воспѣлъ
бы Принца Валлісскаго, а я перевела
бы пѣснь его.,,

2. Въ одномъ Англійскомъ Жур-
наль пишутъ слѣдующее: „За нѣсколь-
ко времени передъ симъ, въ Федѣ
Маврскіе и Арабскіе стихотворцы
составили между собою общество, и
положили каждой мѣсяцѣ собираясь и
пѣть, и публично короновать того,
кто споетъ лучше всѣхъ. Въ началѣ
Августа прошедшаго года было пер-

вое собраніе, въ прекрасномъ саду, осѣняемомъ высокими пальмами и освѣжаемомъ источниками кристальной воды. Зритель было множество. Сочиншему одной Турецкой пѣсни отдали преимущество передъ другими, и подарили ему 100 червонныхъ, великолѣпное платье и спашную лошадь. Прекрасныя девушки увѣнчали его голову цветами — чѣмъ и заключилось сїе торжество.

3. Господинъ Р*, Лондонской книго-продавецъ, будучи спѣсенъ множествомъ людей при входѣ въ Театръ, почувствовалъ у себя въ карманѣ руку, которая тащила оттуда семь шиллинговъ, пригожденныхъ имъ на заплату за входъ. „Боже мой!“ сказалъ онъ человѣку, которой перся къ нему ближе всѣхъ, и которой былъ очень хорошо одѣтъ: вообразише, что въ эту секунду воръ крадетъ у меня шѣ деньги, которыхъ хотѣлъ я заплатить за входъ въ Театръ!,, — *Тотко, тотко!* ошвѣчалъ сей хорошо одѣтой человѣкъ. *Деньги ваши украдены; я жалѣю обѣ васъ, и совѣтую*

затѣ спередѣ слѣдоватъ моему при-
мѣру и держать ихъ всегда въ руки.
Тутъ показалъ онъ ему руку свою и
шѣ семь шиллинговъ, которыхъ Го-
сподинъ Р* лишился.

4. У насъ въ Англіи Музыка,
Живопись и Поэзія совсѣмъ разсестри-
лисъ. Первая дошла до высочайшей
степени совершенства; вторая от-
стала отъ нее довольно далеко; а
послѣдняя такъ унизилась, что люди
со вкусомъ должны презирать ее.

5. Кажется, что мы съ соуды-
ми своими помѣнялись характерами.
Французы нынѣ важничаютъ и за-
нимаются полипикою, а мы Англі-
чане поемъ, пляшемъ и прыгаемъ.
(Надобно знать, что за нѣсколько
времени передъ симъ ничѣмъ въ Лон-
донѣ такъ не занимались, какъ новою
Оперою въ Пантеонѣ, славнымъ Музы-
кантомъ Гайденомъ и танцовщикомъ
Вестрисомъ.)

6. Вотъ наставленіе, которое у
насъ въ Англіи даетъ отецъ сыну,
отправляя его въ Индію: „Любезной
сынъ! я выучилъ тебя читать и пи-
сать,

сать , и поставилъ тбя на дорогу
частія . Посмотрі , какъ богатъ Га-
стингсъ , котрой также умѣлъ толь-
ко читать и писать , когда поѣхалъ
въ Индію . Посмотрі на Майора Ско-
упа : не думаю , чтобы онъ зналъ и
таблицу умноженія , когда поѣхалъ
отсюда ; а теперь онъ Членъ Парла-
ментса , и по нѣсколько часовъ мо-
жетъ говорить и кричать о томъ ,
чего не разумѣетъ . Старайся всѣми
средствами разбогатѣть , любезной
сынѣ мой ; накопи побольше денегъ на
востокъ , и ты будешь Лордомъ на
западѣ ! , , — Сынѣ прїѣзжаетъ въ Ин-
дію , и , помня родительской совѣтъ ,
старается всѣми способами разбога-
тѣть , то есть , и воруетъ и гра-
бить . Черезъ нѣсколько лѣтъ воз-
вращается онъ въ Англію съ кучею
золота ; покупаетъ себѣ земли и зам-
ки ; живетъ пышно , и ходатайствуєтъ
въ Парламентѣ за тѣхъ , котрые ,
подобно ему , наживаются безчестны-
ми средствами .

7. На похоронахъ Господина Ми-
рабо было очень пыльно , и народъ

досадовалъ на своихъ Начальниковъ то, что они не велѣли полить улицы водою. *Они надѣялись на ваши слезы* сказала въ толпѣ одна женщина.

3. Не давно въ сѣверной Шотландіи умеръ спарикъ, которому было 123 года отъ роду. Онъ не подверженъ былъ никакимъ болѣзнямъ, и скончалъ жизнь безъ всякаго страданія.

4. Въ доказательство, что чаи мало не вредитъ нервной системѣ можно представить одну госпожу живущую въ Суссексѣ, которая всю свою жизнь не пила ничего, кроме чаю. Теперь ей 90 лѣтъ отъ роду, и она по сіе время здорова и никогда не подвержена была нервнымъ болѣзнямъ. У нее есть дочь, которая слѣдуя примѣру своей матери, никуда неѣздитъ безъ того, чтобы не взять съ собою полдюжины бутылокъ чая, и всякой день послѣ ужина пьетъ его по нѣсколько чашекъ. Она также совершенно здорова.

ПИСЬМА РУСКАГО ПУТЕШЕ-
СТВЕННИКА.

(Продолжение)

Іюля 16, въ 2 часа по полудни.

Говоряшъ, что въ Лейпцигѣ жить весело, — и я вѣрю. Нѣкоторые изъ здѣшнихъ богатыхъ купцовъ часто даютъ обѣды, ужины, балы и проч. Молодые щеголи изъ Студентовъ являются съ блескомъ въ сихъ собранияхъ; играютъ въ карпы, танцуютъ, куртизируютъ, и проч. Сверхъ того есть здѣсь особливыя ученыя общества или клубы; тамъ говоряшъ обѣ ученыхъ или политическихъ новостяхъ, судятъ книги, и проч. — Здѣсь есть и Театръ; только Комедіанты уезжаютъ отсюда на дѣло лѣто въ другіе города, и возвращаются уже осенью къ такъ называемой Михайловой ярмаркѣ. — Для того, кто любитъ гулять, много вокругъ Лейпцига пріятныхъ мѣстъ; а для того, кто любитъ услаждать свой вкусъ, есть здѣсь отмѣнно вкусные жаворонки, славные пироги, славная спаржа и

множество плодовъ, а особливо винограда, которая очень хороша и теперешакъ дешева, что за цѣлое блюдо можно заплатить не болѣе десяти копѣекъ. — ВЪ Саксоніи вообще житіе не дорого. За столовъ безъ вина платятъ здѣсь 30 коп., за комнату такж 30 коп.; точно то же платилъ я въ Дрезденѣ.

Почти на всякой улицѣ найдены нѣсколько книжныхъ лавокъ, и все Лейпцигскіе книгопродавцы богаты, — что для меня удивительно. Правда, что здѣсь много Ученыхъ, имѣющихъ нужду въ книгахъ; но сии люди почти всѣ или сочинители или переводчики, и, собирая библиотеки, влажаютъ они книгопродавцамъ не деньгами, а сочиненіями или переводами. Къ тому же во всякомъ Нѣмецкомъ городѣ есть публичные библиотеки, изъ которыхъ можно брать для чтенія всякия книги, платя за то бездѣлку. — Книгопродавцы изъ всей Германіи съѣзжаются въ Лейпцигъ на ярмарки (которыхъ бываєтъ

иѣсь три въ годъ: одна начинается
въ первого Января, другая съ Пасхи,
третья съ Михайлова дна) и мѣ-
няются между собою новыми книгами,
зачестными почитаются изъ нихъ
иѣ, которые перепечатываются въ
воихъ типографіяхъ чужія книги, и да-
ютъ черезъ то подрывъ тѣмъ, кото-
рые купили манускрипты у Авторовъ.
Германія, гдѣ книжная торговля есть
два ли не самая важнѣйшая, имѣетъ
ужду въ особливомъ и строгомъ для
его законѣ. — Вы пожелаете мо-
ешь быть знать, какъ дорого пла-
тятъ книгопродавцы Авторамъ за ихъ
очищенія? Смотри по сочинителю.
Спѣли онъ еще не извѣстенъ Публи-
къ съ хорошей спороны, что едва
и дадутъ ему за листъ и два шале-
ра; но когда онъ прославился, что
книгопродавецъ предлагаетъ ему семь,
осемь и десять шалеровъ за листъ.

Въ 11 часахъ вечера. Въ назна-
ченной часѣ пришелъ я къ Плашнеру.
Вы конечно поживете съ нами? ска-
залъ

залъ онъ, посадивъ меня пропивъ себя
— Нѣсколько дней, отвѣчалъ я. —
,, Только ? А я думалъ, что вы при-
ѣхали *пользоваться* Лейпцигомъ. Здѣш-
ніе Ученые почли бы за удовольствіе
способствовать вашимъ успѣхамъ въ
наукахъ. Вы еще молоды, и знаете
Нѣмецкой языкъ. Вмѣстѣ с того, что-
бы перебѣжать изъ города въ городъ,
лучше бы вамъ было прожить подоль-
въ такомъ мѣстѣ, какъ Лейпцигъ, гдѣ
многое изъ вашихъ единоземцовъ иско-
ли просвѣщенія, и, надѣюсь, не пущен-
но., — Я почелъ бы за особливое
щастіе быть вашимъ ученикомъ, Г.
Докторъ ; но обстоятельства, об-
спояльства — — , И такъ мнѣ
остается жалѣть, еспѣли обстоя-
тельства не позволяютъ вамъ на сей
разъ оспасться съ нами.,,

Онъ помнитъ К*, Р* и другихъ
Русскихъ, кошорые здѣсь учились
,, Всѣ они были моими учениками, сказ-
залъ онъ: только я былъ тогда еще
и не то, что теперь., — По крайней
мерѣ

мѣрѣ ваши Афоризмы еще не были изданы, сказаъ я.

И въ самую ту минуту, какъ я, упомянувъ о Афоризмахъ, хотѣлъ поинтересовать у него объясненія на нѣкоторыя мѣста изъ оныхъ, пришли къ нему съ Университетскими дѣлами. Онъ отправляется должность Ректора.

— У меня не много свободнаго времени, сказаъ онъ: однако же вы должны нынѣ со мною ужинать. Въ восемь часовъ велише себя проводить въ трактирѣ голубаго Ангела. —

Принявъ съ благодарностію предложеніе Господина Доктора, пошелъ въ Рихтеровъ садъ. Дѣвушка въ юломъ корсетѣ подала мнѣ опять бутылку цвѣтовъ, и я опять подарилъ ей два гроша.

Въ восемь часовъ пришелъ я въ трактирѣ голубаго Ангела. Меня простили въ большую комнату, где нарытъ былъ столъ на двадцать курештовъ, но где еще никого не было. Черезъ полчаса явился Платнеръ съ ченою братией. Онъ каждому реко-

мендовалъ меня, и сказывалъ мнѣ имена ихъ; но всѣ они были мнѣ неизвестны, кроме старого Профессора Эзера и Биргермайстера Миллера, издавшаго Сульцерову Теорію Изящныхъ Наукъ съ своими примѣчаніями. Сѣли за столъ. Ужинъ былъ самой Аѳинской; только что вино пили мы не изъ чашъ, цвѣтами облѣпленныхъ, а изъ простыхъ Саксонскихъ рюмокъ. Всѣ были веселы и говорливы; ходили, чтобы и я говорилъ, и спрашивали меня о нашей импературѣ. Они очень удивились, услышавъ отъ меня, что десять пѣсней Мессіады переведены на Русской языкѣ. „Я бы не думалъ — сказалъ молодой Профессоръ Поэзіи — чтобы въ вашемъ языке можно было найти выраженія Клопштоковыхъ идей.,, Еще то скажу вамъ, примолвилъ я, что переводъ по большой части лишился ясенѣ. — Въ доказательство, что языкъ не пропитленъ ушамъ, читалъ я имъ Рускіе спичи разныхъ мѣръ, и они чувствовали ихъ определенно.

ленную гармою. Говоря о нашихъ оригинальныхъ произведеніяхъ, прежде всѣхъ наименовалъ я двѣ Этическія Поэмы, Россіяду и Владимира, кото-рыя должны имя творца своего сдѣлашь незабвеннымъ въ Исторіи Россій-ской Поэзіи. — Платнеръ игралъ за ужиномъ первую роль, т. е. онъ управлялъ разговоромъ. Естьли во-обще по справедливости укоряютъ Нѣмецкихъ Ученыхъ нѣкоторою не-ловкостію въ обхожденіи, то по край-ней мѣрѣ Докторъ Платнеръ (и ко-нечно вмѣстѣ со многими другими) долженъ быть исключенъ изъ сего чи-сла. Онъ самой свѣтской человѣкъ; любитъ и умѣетъ говорить; гово-ришъ смѣло, для того что чувству-етъ свою цѣну. — Старикъ Эзеръ любезенъ по своему пропосердечію. Къ нему имѣющъ уваженіе; слушаютъ его анекдоты, и смируются, примѣчая, что онъ хочетъ смигнуть. Во время царствованія Императрицы Елизаветы Петровны сбирался онъѣхать въ Россію, но раздумалъ. — Что принадлежишъ до

Биргермейстера Миллера, что онъ, кажется, очень важничаетъ. — Въ десять часовъ вспали, пожелали другъ другу доброго вечера, и разошлись. Платнеръ не позволилъ мнъ заплатить за ужинъ, что для меня не совсѣмъ пріятно было. — Такимъ образомъ избранные Лейпцигскіе Ученые ужинаютъ вмѣстѣ одинъ разъ въ недѣлю, и проводяшъ вечеръ въ пріятныхъ разговорахъ.

Милые друзья мои! я вижу людей достойныхъ моего почтенія, умныхъ, знающихъ, ученыхъ, славныхъ — но всѣ сїи люди далеки отъ моего сердца. Кто изъ нихъ имѣетъ во мнѣ хотя малѣйшую нужду? Всякой занятъ своимъ дѣломъ, и никто не заботится о бѣдномъ странникѣ. Никто не хватитъ меня завтра, есмъли нынѣшняя ночь на черныхъ своихъ крыльяхъ унесетъ мою душу изъ здѣшняго міра; ни чей вздохъ не полепитъ въ слѣдъ за мною — и вы бы долго, долго не узнали о преселеніи вашего друга. Просимте!

Іюля 17.

Въ шестомъ часу вышелъ я за городъ съ покойнымъ и веселымъ духомъ, и благословилъ упренюю Природу, которая въ зеленої одеждѣ своей великолѣпно передо мною красовалась. Я бросился на траву бальзамического луга; купался въ росѣ его, и впивалъ въ себя его свѣжесть; наслаждался упромъ, и былъ щасливъ.

Солнце взошло высоко, и пекущій жаръ лучей его далъ мнѣ чувствовать, что полдень приближается. Деревня, въ которой живетъ Вейсе, была у меня въ виду. Я пошелъ туда, и пожелавъ доброго упра молодой крестьянкѣ, которая мнѣ встрѣтилась, спросилъ у нее, гдѣ домъ Господина Вейсе? „Тамъ, подалѣ на правой сторонѣ, большой домъ съ садомъ, — отвѣчала она, и пошла своею дорогою.

Вейсе, любимецъ драматической и лирической Музы — Поэтъ, какъ по духу, такъ и по сердцу своему почтенія достойной — другъ добродѣтели и всѣхъ добрыхъ — другъ

дѣтей, которой примѣромъ и ученьемъ своимъ распространилъ въ Германіи правила хорошаго воспитанія — Вейсе проводитъ лѣто въ маленькой деревенкѣ, верстахъ въ двухъ отъ Лейпцига, посреди честныхъ поселенъ и семейства своего. — „Онъ гуляетъ по саду (сказала мнѣ служанка, вспрѣшившая меня въ сѣняхъ): вайдите въ комнату, а я пойду сказать ему объ васъ. „ Я вошелъ въ горницу, и видѣлъ въ окно, какъ любезной Вейсе, маленькой человѣчикъ въ красномъ халатѣ и въ бѣлой шляпѣ, скорыми шагамишелъ къ дому по алеѣ, узнавъ опять служанки, что какой-то Московитянинъ его дожидаєтся. Онъ вошелъ въ горницу въ томъ же красномъ халатѣ, но только уже не въ бѣлой шляпѣ, а въ напудренномъ парикѣ съ кошелькомъ. Я съ примѣчаніемъ смотрѣлъ на портретъ твой, любезной Вейсе, и узналъ бы тебя между тысячами. — Ему уже слишкомъ шестьдесятъ лѣтъ; но по румяному и свѣжему лицу его не по-

ду-

дума́лъ бы я, чтобы ему было и пятьдесять — и во всякой чертѣ лица сего видна добрая душа.

Онъ обошелся со мною ласково, сердечно, прости; жалѣлъ, что я пришелъ къ нему, а не онъ ко мнѣ; жалѣлъ, что я шелъ къ нему въ такй жаръ; подчывалъ меня лимонадомъ, и проч.

Я сказалъ ему, что нѣкоторыя піесы изъ его друга дѣтей (*Kinderfreund*) переведены на Руской, и что самъ я перевелъ его Драму, *Аркадской памятникъ* (которая напечатана въ XVIII Части Дѣтскаго Чтенія). Въ Германіи многіе писали и пишутъ для дѣтей и для молодыхъ людей; но никто не писалъ и не пишетъ лучше Вейсе. Онъ самъ ощедъ, и ощедъ нѣжной, посвящившій себя воспитанію дѣтей своихъ. Со всѣхъ споронъ осипали его благодарностію, когда онъ издавалъ свои еженедѣльные листы: дѣти благодарили его за то удовольствіе, которое доставляло имъ сіе чтеніе;

а отцы за видимую пользу, которую оно приносило ихъ дѣтямъ. — Онъ издастъ нынѣ *переписку фамилии друзей дѣтей*, которая служитъ продолжениемъ его прежняго періодического сочиненія, и собственно опредѣлена на то, чтобы приносить удовольствіе и пользу *молодымъ людямъ*.

Съ великою скромностию говорилъ онъ о своихъ сочиненіяхъ; однако жъ безъ всякаго притворнаго смиренія, которое для меня такъ же пропивно, какъ и самохвальство. — Съ какимъ чувствомъ говоритъ онъ о своемъ семейственномъ щастіи! „Благодарю Бога, сказалъ онъ сквозь слезы — благодарю Бога! Онъ далъ мнѣ вкусить въ здѣшней жизни самыя чистѣйшія удовольствія; и я осмѣлился бы назвать свое щастіе совершеннымъ, когда бы небесная Благость возвратила здоровье дочери моей, которая нѣсколько лѣтъ больна, и которої искусство врачей по сіе время не могло пособить., — Однимъ словомъ еспѣли я любилъ Вейсе какъ Автора

то теперь, узнавъ его лично, еще болѣе полюбилъ его какъ человѣка.

У него есть рукописная Исторія нашего Театра, переведенная съ Русскаго. Г. Дмитревской, будучи въ Лейпцигѣ, сочинилъ ее; а нѣкто изъ Русскихъ, ко- торые учились тогда въ здѣшнемъ Уни- верситетѣ, перевелъ ее на Нѣмецкой и подарилъ Господину Вейсе, которой хранилъ сїю рукопись, какъ нѣкото- рую рѣдкость, въ своей библіотекѣ.

Наконецъ я съ нимъ проспился. „Путешествуйте щасливо, сказалъ онъ, и наслаждайтесь всѣмъ, что мо- жетъ принести удовольствіе чистому сердцу! Однако жъ я поспараюсь еще увидѣться съ вами въ Лейпцигѣ.,, — А вы наслаждайтесь яснымъ вечеромъ своей жизни! сказалъ я, вспомня ла- Фонтеновъ стихъ: *sa fin (т. е. ко- нецъ мудраго) est le soir d'un beau jour* — сказалъ, и пошелъ отъ него, будучи совершенно доволенъ въ своемъ сердцѣ. Одинъ взглядъ на доброго есть щастіе для того, въ комъ не загрубыло чувство добра.

Возвращаясь въ Лейпцигъ, зашелъ я въ книжную лавку и купилъ себѣ на дорогу Оссіанова Фингала и *Vicar of Wakefield.* —

Въ полнотѣ. Нынѣшній вечеръ провелъ я очень пріятно. Въ шесть часовъ пошли мы съ Гм. Мелли въ загородной садъ. Тамъ было множество людей: и Студентовъ и Филистровъ (*). Одни, сидя подъ тѣнью деревъ, читали или держали передъ собою книги, не удостоивая проходящихъ взора своего; другіе, сидя въ кругу, курили трубки и защищались отъ солнечныхъ лучей густыми табашными облаками, которыя извивались и клубились надъ ихъ головами; иные въ шемныхъ альхъ гуляли съ дамами, и — проч. Музыка гремѣла, и человѣкъ, ходя сътарелкою, собиралъ деньги для му-

---

(*) Такъ Студенты называютъ гражданъ, и Господину Аделунгу угодно починашь сіе слово за испорченное, вышедшее изъ Латинскаго слова *Balista.* Симъ именемъ назывались городские солдаты и простые граждане.

музыкантовъ; всякой давалъ, что хотѣлъ.

Г. Мелли удивилъ меня, начавъ говорить со мною по-Руски. „Я жилъ четыре года въ Москвѣ, сказалъ онъ — и хотя уже давно выѣхалъ изъ Россіи, однако жъ не забылъ еще вашего языка.“ — Къ намъ присоединились Гг. Шнейдеръ и Годи, путешесствующіе съ Княгинею Бѣлосельскою, которая теперь въ Лейпцигѣ. Перваго видалъ я въ Москвѣ, и мы обрадовались другъ другу какъ старинные знакомые. Г. Мелли угостилъ насъ въ трактирѣ хорошимъ ужиномъ. Мы пробыли тутъ до полуночи, и вмѣстѣ пошли назадъ въ городъ. Ворота были заперты, и каждой изъ насъ заплатилъ по нѣсколько копѣекъ за то, что ихъ отворили. Таковъ законъ въ Лейпцигѣ: или возвращайся въ городъ ранѣе, или плати штрафъ.

Іюля 19.

Нынѣ поутру получилъ я вдругъ два письма отъ А*, которыхъ со-

держаніе для меня очень непріятно. Я не найду его во Франкфуртѣ. Онъ ъдѣлъ въ Парижъ на нѣсколько недѣль, и хочетъ, чтобы я дождался его или въ Мангеймѣ или въ Стразбургѣ; но мнѣ никакъ не лъзя исполнить его желанія. Такимъ образомъ разрушилось по зданіе пріятностей и удовольствій, которое основывалъ я на свиданіи съ любезнымъ другомъ! И такимъ образомъ во всемъ своемъ путешествіи не увижу я ни одного человѣка, близкаго къ моему сердцу. Эта мысль сдѣлала меня печальнымъ, и я пошелъ безъ цѣли бродить по городу и по окрестностямъ. Мнѣ встрѣтился Г. Бр., молодой Ученой, съ которымъ я здѣсь познакомился. Оба вмѣстѣ пошли мы въ Розенпаль; большої паркѣ. Я вспомнилъ, что извѣстной обманьщикѣ Шрепферѣ кончилъ шутъ жизнь свою писполетнымъ выстрѣломъ. Подлинная исторія жизни его, если бы кто могъ описать ее, была бы конечно очень интересна. Сей человѣкъ долгое время былъ

былъ слугою въ одномъ кофейномъ домѣ въ Лейпцигѣ, и никто не примѣчалъ въ немъ ничего чрезвычайнаго. Вдругъ онъ скрылся, и черезъ не- сколько лѣтъ опять явился въ Лейпцигѣ подъ именемъ Барона Шрепфера; нанялъ себѣ большой домъ и множество слугъ; объявилъ себя мудрецомъ, повелѣвающимъ Нату- рою и духами, и въ громкую пру- бу звалъ къ себѣ всѣхъ легковѣрныхъ людей, обѣщаю сообщить имъ великия знанія. Со всѣхъ споронъ стекались къ нему ученики. Иные подлинно хо- тѣли отъ него научиться тому, че- му ни въ какихъ Университетахъ не учатъ; а другимъ болѣе всего ира- вился его хороший сполъ. Съ почты приносили ему большіе пакеты, над- писанные на имя Барона Шрепфера, а Банкиры получали повелѣнія давать ему большія суммы денегъ. Съ рази- тельнымъ краснорѣчіемъ говорилъ онъ о своихъ таинствахъ, будто бы въ Испаліи ему сообщеныхъ, и разго-
ря-

рячивъ воображеніе своихъ слушателей, показывалъ имъ духовъ, пѣни умершихъ знакомыхъ, и проч *Приди и си ждь!* кричалъ онъ всѣмъ, кошѣи сомнѣвались — приходили и видѣли пѣни и разные спрахи, ошѣ которыхъ у прусливыхъ людей волосы дыбомъ становились. Надобно замѣтить, что кругъ ревностныхъ его почитателей состоялъ не изъ Ученыхъ, т. е. не изъ пѣхъ, кошѣи привыкли разсуждать по Логикѣ (сихъ людей не могъ онъ терпѣть, какъ такихъ, кошѣи вѣрятъ разуму болѣе нежели глазамъ), а изъ дворянъ и изъ купцовъ, совсѣмъ незнакомыхъ съ науками. Замѣтить надобно и то, что онъ только показывалъ чудеса, а нижего вѣ самомъ дѣлѣ не науталялъ лжать ихъ; и что онъ показывалъ ихъ только у себя дома, вѣ нѣкоторыхъ особенно на то опредѣленныхъ комнатахъ. Г. Бр. разсказалъ мнѣ слѣдующій анекдотъ. Нѣкто М* пришелъ къ Шрепферу съ своимъ пріятелемъ для того, чтобы видѣть его духъ

призваніе. Онъ нашелъ у него множество гостей, которыи безпрестанно пуншъ подносили. М* не хотѣлъ пить. Шрепферъ присупалъ къ нему, чтобы онъ выпилъ хотя одинъ стаканъ; но М* отговорился. Потомъ ввели всѣхъ въ большую залу, которая обита была чернымъ сукномъ, изъ которой всѣ окна были запворены. Шрепферъ поставилъ всѣхъ зрителей вмѣстѣ, очертилъ ихъ кругомъ, и не велѣлъ никому прогащаться съ мѣста. Шагахъ въ трехъ отъ нихъ, на маленькомъ жертвенникѣ, горѣлъ спиртъ, — чѣмъ единственно освѣщалась зала. Передъ симъ жертвенникомъ Шрепферъ, обнажа грудь свою и взявъ въ руку большой блестящій мечъ, бросился на колѣни и громко началъ молиться, съ такимъ усердіемъ, съ такимъ жаромъ, съ такимъ рвениемъ, что М*, пришедшій видѣть обманьшика и обманъ, почувствовалъ трепетъ и благодовѣніе въ своемъ сердцѣ. Огонь блесталъ въ глазахъ молящагося, и грудь его высоко поднималась. Ему над-

надлежало призвать тѣнь одного изъ-
спиаго человѣка, не давно умершаго.
По окончаніи молитвы онъ началъ
призываніе сими словами: „О ты, бла-
женный духъ, преселившися въ без-
плотный и смертныи неизвѣстный
миръ! внемли гласу оставленныхъ шо-
бою друзей, желающихъ тебя видѣть;
внемли, и оставя на время новую свою
обитель, явися очамъ ихъ!,, и проч
и проч. Зрители почувствовали элек-
трическое потрясеніе въ своихъ нер-
вахъ, услышали ударъ, подобной
удару грома, и увидѣли надъ жер-
твенникомъ легкой парѣ, которой
мало помалу густѣлъ, и наконецъ
образовалъ человѣческую фигуру; од-
нако жъ М* не примѣтилъ въ ней больша-
го сходства съ покойникомъ. Образъ
носился надъ жертвенникомъ, а Шре-
феръ, которой сдѣлался блѣденъ какъ
смерть, махалъ мечемъ вокругъ голо-
вы своей. М* рѣшился выйти изъ крѣ-
га и приблизиться къ Шреферу; въ
сей, примѣтя его движеніе, вскочилъ
бросился на него, и успремя ме-

къ его сердцу, закричалъ спраш-
нымъ голосомъ: *ты умрешь, не-
щастной, естьли хотя одинъ шагъ
впередъ ступишь!* У М* подкосились
ноги: такъ онъ испугался грознаго го-
лоса и блестящаго меча его! Тень ис-
чезла. Шрепферъ отъ усталости
распянулся на полу, и велѣлъ выши-
ти всѣмъ зрищелямъ въ другую ком-
нату, гдѣ подали имъ на блюдахъ
освѣжающіе плоды. — Многіе прихо-
дили къ Шрепферу какъ въ спектакль,
и хотя знали, что вся тайная мудрость
его состояла въ шарлатанствѣ, од-
нако жъ съ удовольствіемъ смотрѣли на
такія комедіи, имъ играемыя. Все
то продолжалось нѣсколько времени.
Но вдругъ Шрепферъ задолжалъ въ
Лейпцигѣ многимъ купцамъ, и пришомъ
такимъ, которые, не имѣя никакого же-
ланія видѣть его духовъ, требовали не-
челенаго платежа. Векселей къ нему
же не присыпали, Банкиры не давали
му ни гроша, и нещастной мудрецъ,
оведенной до крайности, заспрѣлил-
я въ Розеншаль. — Посіе время не
извѣ-

известно, откуда получалъ Шрепферъ деньги, и какую имѣлъ цѣль, выдавая себя за духопризыващеля. Есть ли принять гипотезу Берлинцовъ, что онъ былъ орудіе тайныхъ Иезуитовъ (такъ же какъ и Камюспро, которой въ самомъ дѣлѣ есть второй Шрепферъ) — Иезуитовъ, хотящихъ снова овладѣть умами человѣческими. Есть ли это правда — въ чемъ однако жъ я очень, очень сомнѣваюсь — то съ позволенія Господь тайныхъ Иезуитовъ можно сказать, что они направо льстящеся нынѣ подчинили себѣ Европу посредствомъ такихъ шарлатановъ — тогда, когда законы разумапублично возглашаются, и просвѣщеніе распространяется болѣе и болѣе — просвѣщеніе, котораго одна искра можетъ освѣпить бездну заблужденій. Вы скажете можетъ быть, что Шрепферъ бралъ деньги съ обольщенныхъ имъ людей? Но по крайней мѣрѣ точно не извѣщенъ ни одинъ человѣкъ съ котораго бы онъ бралъ ихъ. (То же должно сказать и въ разсужденіи

такъ называемаго Графа Калюстро. Писали и говорили, будто бы Базельской Банкиръ Саразень, имъ обольщенной, передавалъ ему множество денегъ; но Саразень, которой уже давно призналъ Калюстра обманщикомъ, клялся одному изъ короткихъ своихъ пріятелей, что онъ не давалъ ему ни копѣйки. Вѣроятно, что святая Инквизиція допыталась до испини, и узнала, откуда несчастной шарлапанъ, самимъ собою или другими обманутой, бралъ свои бриллианты и золото. Жаль только, что святая Инквизиція со всѣми дѣлами своими есть для насъ непроницаемая тьма, и что мы отъ нее никогда не узнаемъ показанія Калюстрова. (*Примѣсаніе Издателебо.*)

Нынѣ послѣ обѣда выѣду я изъ Лейпцига; до Бутшельштета поѣду въ публичной коляскѣ, а оттуда до Веймара на экспрессной почтѣ. — Сюю минуту получилъ я записку отъ

Д

Плат-

Плашнера, въ которой изъявляетъ онъ свое желаніе, чтобы я когда нибудь пожилъ въ Лейпцигѣ подолѣ, и подалъ ему случай заслужить мою благодарность. — Профессоръ Бекъ, которой очень обязалъ меня своею ласкою, взялъ на себя искать Гофмейстера для Алексаши. Онъ будетъ писать ко мнѣ въ Цирихѣ. — Проспите, любезные друзья! Грустно мнѣ, очень — грустно, что я не увижу съ А*.

Веймаръ, 20 Іюля.

Въ путешествіи своемъ отъ Лейпцига до Веймара не замѣтилъ я ничего, кроме прекрасной долины, на которой лежитъ городъ Наумбургъ, и маленькой деревеньки, где ребяшки набросали множество цвѣтовъ къ намъ въ коляску — къ намъ, говорю, потому что я ехалъ до Буштельштата съ однимъ молодымъ Французомъ, которой былъ чѣмъ-то въ свидѣи Французского Посланника въ Дрезденѣ. Разумѣется, что ребяшки хтели денегъ; мы бросили имъ и скол

еколько грошей , и они громко закри-
чали намъ : *спасибо !* — Французъ ,
которой не разумѣлъ ни одного слова
по - Нѣмецки , и которому я служилъ
переводчикомъ , очень жалѣлъ обо мнѣ ,
когда намъ пришлось разспаваться .
Впрочемъ онъ былъ для меня совсѣмъ
неинтересенъ .

На разсвѣтѣ прїѣхали мы въ Бут-
тельштетѣ , гдѣ Почтмейстеръ далъ
мнѣ до Веймара маленькую , покойную
колясочку . Я подарилъ поспиллону
фарфоровую трубку , купленную мною
на Берлинской фабрикѣ , а онъ въ
благодарность привезъ меня въ Вей-
маръ довольно скоро .

Мѣстоположеніе Веймара весьма
изрядно . Окрестныя деревеньки съ
 полями и рощицами составляютъ прі-
ятной видъ . Городъ очень не великъ ,
 и кромѣ Герцогскаго дворца , не най-
 дешь здѣсь ни одного огромнаго до-
 ма . — У городскихъ воротъ меня
 допрашивали ; послѣ чего предложилъ
 я караульному Сержанту свои вопро-
 сы , а именно : „ здѣсь ли Виландъ ?

здесь ли Гердеръ? здесь ли Геме?...
Здесь, здесь, здесь, отвѣчалъ онъ —
и я велѣлъ посторону везти себя
въ трактиръ слона.

Тотчасъ послалъ я наемнаго слу-
гу къ Виланду, спросить, дома ли
онъ? Нѣтъ, онъ во дворцѣ. — Дома
ли Гердеръ? Нѣтъ, онъ во дворцѣ. —
Дома ли Геме? Нѣтъ, онъ во дворцѣ.

Во дворцѣ! во дворцѣ! повторилъ я,
передражнивая слугу, — взялъ трость
и пошелъ въ садъ. Большой зеленой
лугъ, обсаженный деревьями и назы-
ваемой звѣздою, мнѣ очень полюбили-
ся; но еще болѣе полюбились мнѣ ды-
кие, мрачные берега спремительно
текущаго ручья, подъ шумомъ кото-
раго, сѣвъ на мшистомъ камнѣ, про-
читалъ я первую книгу Фингала. —
Люди, которые встрѣчались мнѣ въ
саду, смотрѣли на меня съ такимъ
любопытствомъ, съ какимъ не смо-
грашь на людей въ большихъ горо-
дахъ, тѣ на всякомъ шагу встрѣч-
ются незнакомыя лица.

Узнавъ, что Гердеръ наконецъ
дома, пошелъ я къ нему. У него одна
мысль, сказалъ обѣ немъ одинъ Нѣ-
мецкой Авторъ, и сїя мысль есть
цѣлой мірѣ. Я читалъ его *Urkunde
des menschlichen Geschlechts*, читалъ,
многова не понималъ; но что пони-
малъ, то находилъ прекраснымъ.
Въ какихъ картинахъ представляеть
онъ твореніе! Какое воссточное велико-
лѣпіе! — Я читалъ его *Бога*, одно
изъ новѣйшихъ его сочиненій, въ ко-
торомъ онъ доказываетъ, что Спино-
за былъ глубокомысленной Философъ
и ревностной почитатель Божества,
отъ пантеизма и атеизма равно уда-
ленной, и по сему поводу сообщаетъ
собственныя свои мысли о Богѣ и
твореніи, прекрасныя, упѣшильныя
для человека мысли. Чтеніе сей ма-
ленькой книжки усладило нѣсколько ча-
совъ въ моей жизни. Я выписалъ изъ
нее многія мѣста, которыя мнѣ от-
менно полюбились. Поспойте — не
найду ли я чего нибудь въ записной
своей книжкѣ? . . . Нашелъ одно мѣ-

что, которое можетъ быть и замъ
полюбится — и для того я включу
его въ свое письмо. Авторъ говоритъ
о смерти. „Посмотримъ на лилію въ
„полѣ: она впиваетъ въ себя сокъ, воз-
„духъ, свѣтъ, всѣ спихї — и вырабо-
„щиваетъ ихъ въ своей внутренности,
„для того, чтобы распи, накопить жиз-
„ненаго соку и раззвѣсть; цвѣтешъ,
„и по томъ исчезаетъ. Всю силу,
„любовь и жизнь свою истощила она
„на то, чтобы сдѣлаться матерью,
„оставивъ по себѣ образы свои и раз-
„множивъ свое бытіе. Теперь исчез-
„ло явленіе лиліи; она исплѣла въ
„неупомимомъ служеніи Натуры, и
„можно сказать, что отъ начала жизни
„своей приготавлялась она къ своему
„разрушенію. Но что разрушилось
„въ ней, кроме явленія, которое
„не могло быть долье, — которое
„достигнувъ до высочайшаго пункта
„лини, — пункта, заключавшаго въ
„себѣ видъ и мѣру красопы ея, — на
„задѣ обратилось? и не съ тѣмъ, что
„бы лишилась жизни, уступивъ мѣстъ
„юнѣ”

„ юнѣйшимъ живымъ явленіямъ — сїе
„ было бы для насъ весьма печальнымъ
„ образомъ — нѣтъ! напротивъ то-
„ го она, какъ живая, со всею радостю
„ бытія произвела бытіе ихъ, и въ
„ зародышъ прекраснѣйшаго вида пре-
„ дала оно вѣчноцвѣтущему саду вре-
„ мени, въ которомъ и сама цвѣтешъ.
„ Ибо не умерла она съ симъ явлені-
„ емъ; сила корня ея существуетъ;
„ она паки пробудится отъ зимняго
„ сна своего и возстанетъ въ новой
„ весенней красопѣ, подлѣ милыхъ
„ дщерей бытія своего, которыхъ спа-
„ ли ся подругами и сестрами. И пакъ
„ нѣтъ смерти въ твореніи; или
„ смерть есть ничто иное, какъ уда-
„ леніе того, что не можетъ быть
„ долѣе, т. е. дѣйствіе вѣчноюной,
„ неутомимой, продолжающейся си-
„ лы, которая по своему свойству
„ не можетъ ни минуты бытъ праз-
„ дною или покоиться. По изящно-
„ му закону Премудрости и Благоспи-
„ чества въ быстрѣйшемъ теченіи спре-
„ мися къ новой силѣ юности и кра-

, сопы — спремися, и всякую ми-
, нушу превращаєтъ.,, — Въ семъ
сочиненіи все ясно и понятно и со-
гласно. Тутъ не бурнопламенное во-
ображеніе юноши кружитъ на высо-
тахъ, и сверкаетъ во мракѣ, по-
добно ночному метеору, блестящему и въ минуту исчезающему; но мысль
мудраго мужа, разумомъ освѣщаемая,
тихо несется на легкихъ крыльяхъ
вѣющаго зефира — несется ко храму
вѣчной Испины, и свѣтлою стру-
ю свой путь означаетъ. — Я чи-
талъ еще его *Парамиѳи* (*), нѣжныя
произведенія двѣпушей фантазіи, ко-
торыя дышатъ Греческимъ духомъ,
и прекрасны какъ утренняя роза.

Онъ встрѣтилъ меня еще въ сѣ-
няхъ, и обошелся со мною такъ ла-
сково, что я забылъ въ немъ вели-
каго Духа и Автора, и видѣлъ пе-
редъ собою только любезнаго, при-

вѣтнаго

(*) Т. е. отдохновенія. Симъ именемъ назы-
ваютъ еще и нынѣшніе Греки свои забавы и
жражія повѣсши.

въпливаго человѣка. — Я провелъ у него два пріятные часа. Онъ разспрашивалъ меня о политическомъ состоянїи Россіи, но съопытною скромностію. По томъ разговоръ обратился на литературу, и слыша отъ меня, что я люблю Нѣмецкихъ Поэтовъ, спросилъ онъ, кого изъ нихъ предпочитаю всѣмъ прочимъ? Сей вопросъ, признаться, привелъ меня въ затрудненіе. Клопшпока, отвѣчалъ я запинаясь, почтию возвышенѣйшимъ изъ Пѣвцовъ Германскихъ. „И по справедливости, сказалъ Гердеръ: только его читаютъ менѣе, нежели другихъ, и я знаю многихъ, которые въ Мессіадѣ на десятой пѣсни остановились и не могли читать дальше. „Онъ хвалилъ Виланда, а особенно Гете — и вѣзвѣ маленькому своему сыну принести новое изданіе его сочиненій, читалъ мнѣ съ чувствомъ нѣкоторыхъ изъ его прекрасныхъ мѣлкихъ стихотвореній. Особливо нравится ему маленькая пѣса, подъ именемъ *Meine Götter*, которая такъ начинается:

Welcher Unsterblichen
Soll der höchste Preis seyn ?
Mit niemand streit' ich,
Aber ich geb' ihn
Der ewig beweglichen,
Immer neuen,
Eelsamsten Tochter Jovis,
Seinem Schößkinde,
Der Phantasie, и проч.

, Это совершенно по-Гречески, сказалъ онъ — и какой языкъ ! какая чистота ! какая легкость !,, — Гердеръ, Гете и подобные имъ, присвоившіе себѣ духъ древнихъ Грековъ, умѣли и языкъ свой сблизить съ Греческимъ, и сдѣлать его самымъ богатымъ и для Поэзіи удобнейшимъ языкомъ ; и по тому ни Французы, ни Англичане не имѣюшіи такихъ прекрасныхъ переводовъ съ Греческаго, какими обогатили нынѣ Нѣмцы свою литературу. Гомеръ у нихъ Гомеръ : та же неискусственная, благородная проспона въ языке, которая была душою древнихъ временъ, когда Царевны ходили по землю, и Цари знали счетъ своимъ бранамъ — проспона, которую Грѣ

ки означали прекрасныи словомъ *дѣлѣтъ*, — — Гердеръ прелюбезной человѣкъ, друзья мои. Я проспился съ нимъ до завтрашняго дня.

Въ церковь Св. Якова надобно было зайти для того, чтобы видѣть шамъ на стѣнѣ барельефъ покойнаго Профессора Музеуса, сочинителя *физіономическаго путешествія и Нѣмецкихъ народныхъ сказокъ*. Подъ барельефомъ — которой, сказываютъ, очень похожъ на покойника — споитъ на книгѣ урна, съ надписью: *незабвенному Музеусу*. — Чувствительная Амалія (*)! попомство будешь благодарить тебя за то, что ты умѣла чашть дарованія.

(*Продолженіе впредь.*)

X.

(*) Герцогиня Веймарская, мать владѣющаго Герцога.

X.

НРАВСТВЕННОЕ УДОВОЛЬСТВІЕ (*).

1.

Чей гласъ произноситъ внутри меня одобрение, когда сдѣлаю доброе дѣло — одобрение, возбуждающее во мнѣ чистое, несказанное, никогда ненасыщающее удовольствіе? Гласъ Всемогущаго, хотящаго, да человѣкъ, совершилъшее изъ Его твореній, буде путь добродѣтеленъ и Ему подобенъ.

2.

Любезная Эмилія! скажи мнѣ, кто далъ тебѣ ключъ къ сердцамъ всѣхъ человѣковъ? Отъ чего происходитъ то, что каждой въ обращеніи съ тобою самъ себѣ лучше кажется, и чрезъ обращеніе съ тобою лучшимъ дѣлается? Кто даетъ тебѣ столько силъ, чтобы забывъ слабость, болѣзни своего тѣла, забывъ самое себя, думашъ только

(*) Издатель искренно благодаритъ Осебу, благопривѣтную ему прислать сю піесу — переведенную съ Нѣмецкаго языка — и мысли въ день рожденія. К.

штолько о благѣ другихъ и всѣ шаги
свои означать добрыми, благородны-
ми дѣлами? Не супь ли то дѣйствія
твоей благотворительной, чистой,
Ангельской души? Вы властолюбивые,
жадные къ славѣ и сладострастные!
удовлетворяйте своимъ побужденіямъ,
и скажите, чувствуете ли то слад-
кое удовольствіе, которое въ очахъ Эми-
ліи блестаетъ? Правда, не много Эмилій
Нашура производитъ! Кто имѣетъ
такое нѣжное, живое, вѣрное чувство?
Но каждой изъ васъ, о смертные! да
исполняетъ должности своего званія,
и каждой вкусишь некшарь удоволь-
ствія и внутренняго душевнаго по-
коя. Исполненіе должностей есть о-
снованіе всѣхъ добродѣтелей, и всяка-
го неложнаго блаженства.

3.

Какъ щастливъ добродѣтельной
супругъ въ объятіяхъ своей любезной
супруги! Для него бѣстся въ пре-
лестной груди благороднѣйшее серд-
це, — сердце чувствительное. Слад-
рѣчивые глаза, прекраснѣйша уста ея

изображають душевную нѣжность и чувство.

Разсмотримъ супруга подробнѣе. Онъ не сполько уже пылокъ, какъ прежде; сердце его лучше, радости живѣе, горесть услаждена. Все сїе есть дѣло любви, дѣло любезной супруги. Предметъ непорочныхъ его побужденій есть для него купно и ревноспной, проницательной, скромной другъ. Его окружаютъ невинные и веселые младенцы, размножающіе бытіе его. Въ дѣтяхъ онъ любитъ мать, въ матері дѣтей, и тѣмъ щасливѣе, чѣмъ пламеннѣе любитъ. Будучи равно удалъ и опѣ кипящихъ страстей и опѣ мершаго хладнокровія, живетъ онъ въ сладчайшей радости. Младенцы, спавъ человѣками, будутъ нѣкогда подпорою лѣтъ его.

Тамъ зрю я необузданнаго, блудившагося юношу и чувственности преданнаго человѣка. Пропивная смѣсъ презрѣнія и любви наполняетъ душихъ поперемѣнно удовольствиемъ и опрашеніемъ. Въ нынѣшній день ничего

готовяще они для завтрашняго. Приходитъ спросить, чувства умолкають, немощное тѣло требуетъ призыва, сердце хочетъ согрѣться, — и они живутъ въ печальномъ уединеніи, не слышатъ никогда сладоспнаго имени отца, и пещетно зовутъ обратно потерянные часы.

4.

И въ вышихъ состояніяхъ добродѣтель съ блаженствомъ неразрывна. Посмотрѣ на *великаго теловѣка*, когда онъ въ сраженіи, при возмущеніяхъ, въ рѣшишельныя минуты, все видитъ и ко всему готовъ бываетъ; когда онъ однимъ взоромъ усматриваетъ опасность и спасительное средство; усматриваетъ сѣе средство, и купно пользующійся имъ; когда рѣшишельность его увлекаетъ съ собою сомнѣвающіяся, колеблющіяся, обыкновенныя души, служащія ему орудіемъ: какое божественное удовольствіе воздымаеть тогда грудь Героя! Сравни лучъ, блистающій изъ свѣплаго ока его, съ пуманнымъ, коварнымъ видомъ *Кромвеля*, съ иска-

женными яростю черпами *Катиши*-
зы. Равно тверды души злодѣвъ и
Героевъ; но храбрость оныхъ есть
бѣшенство, хитрость коварство,
радость адская радость, вну-
треннимъ беспокойствомъ разрушек-
ная радость, — радость зараженная
ядомъ ненависти къ человѣчеству и
къ самимъ себѣ.

5.

Какими же красками изображу я
гордое самодовольствіе *Регула*, спре-
мящагося за честь своего отечества
на несомнѣнныя мученія? Какъ из-
образу тихое равнодушіе *Эпиктета*,
котораго ни оковы, ни спраданія
не могутъ преклонить къ мало-
душію? Какъ изобразу сїе нѣжно-
сильное чувство друга *Пиладова*, охоп-
но отваживающаго жизнь свою за дру-
гаго себя? Небесная радость, боже-
ственной жаръ оживлялъ сихъ Героевъ
добрѣтели въ ихъ дѣяніяхъ! О вы
Тимуры, вы *Кулыканы* протекшихъ
и будущихъ временъ! почто навлекли
еще на себя столь пытательно прос-

клятіе просвѣщенаго человѣчества ?
Имѣли ль вы когда подъ обагренными
кровью , незаслуженными лаврами , по-
среди воздвигнутыхъ на опусшоеніи,
невѣждами почипаемыхъ памятниковъ ,
такія восхитительныя минуты ? —

6.

О добродѣтель , веселіе мудраго !
Хотя порочный шебя и оставляетъ ,
но щѣтно спараешься усыпить себя . Во
глубинѣ сердца его взываешьъ всегда могу-
щественный гласъ твой , мучительная
для него укоризна . Посреди самыхъ
радостей , въ шуму міра , на одрѣ бо-
льзни , въ безсонныхъ ночи , и въ са-
мыхъ сновидѣніяхъ вѣщаетъ гласъ твой ,
добрый въ награду , злымъ въ нака-
заніе . Но всегда продолжается упоеніе
чувствъ , не всегда разсѣяніе возмож-
но ! И какой же взоръ , какое чувство-
заніе — видѣть себя и ненавидѣть !

О добродѣтель ! и такъ вѣчный и
первоначальный Источникъ всякаго
блага неразрывными узами со-
приягъ съ тобою естество человѣ-
теское , сопрягъ пріятными узами

иравственаго удовольствія : и горе
тому , кто пишится разорвать оны !

В. Подш.

XI.

МЫСЛИ ВЪ ДЕНЬ МОЕГО РОЖДЕНІЯ.

Первая мысль , первое слово при-
надлежитъ тебѣ , благодѣтельная При-
рода , произведшая меня на свѣтъ ны-
нѣшній день ! Пробудившіяся птицы
различными криками вспрѣ чающѣ мо-
лодой день , которой и я радостно
объемлю . Гряди , любезной день , улыб-
нись и будь свидѣтель моей чувстви-
тельной за бышіе благодарности !
Возбудились въ птицахъ заботы о
птицѣ : возбудились и во мнѣ , алчу-
щемъ безсмертной птицы . Онѣ ожида-
ютъ благопврорныхъ лучей солнца
ожидаю и я сего величественнаго и
поразительного зрѣлища , ожидаю ис-
ваго для себя свѣта , небесной пе-
плоты своему сердцу . Дни , радостны
для моихъ собратій , пусть кажутъ
ся ему всегда весенними днями ! Пуск-

он

оно, рѣзvясь какъ агнецъ, гормонически участвуетъ въ душевной плясѣ твоихъ, Природа, веселыхъ тварей! Но пустъ же оно и крушился при видѣ обуреваній, мятушихъ родъ человѣческой, — обливается кровью при видѣ угнѣщенія моихъ кровныхъ! Я сирота въ семъ свѣтѣ, но свѣтъ не можетъ отречься отъ близкаго родства со мною.

Природа, чадолюбивая мать и насѣниница! удостой благопрѣлнаго воззрѣнія лепешаніе твоего младенца, которой, повергаясь передъ тобою, съ сыновнею и почтипельною нѣжностію благодаритъ тебя за свое неодѣненное существованіе, за всѣ милости, тѣлою на него излїянныя; которой совершенно предается твоему руководству, совершенно и во всемъ полагается на тебя, на твою благодѣтельную помощь и дѣятельное подрѣшеніе. Ахъ! ешьли я отступлю тѣ твоихъ благотворныхъ законовъ; ешьли чело мое помрачился злобою на юего ближняго: то пускъ лучше,

• Природа! порази мѧ слѣдующимъ
лѣтомъ всемошный громъ твой! —

В. Подш.

XII.

МОСКОВСКОЙ ТЕАТРЪ.

*Сидѣ, трагедія въ стихахъ; по-
дражаніе французскому Сиду, соти-
неному П. Корнелемъ.*

Дѣйствіе происходитъ въ Севиль-
ѣ, во время царствованія Фернанда,
перваго Каспильского Короля. Химе-
на, дочь Графа Гормаса, и Родриго,
сынъ донъ-Діега, престарѣлаго пол-
ководца, любяще другъ друга, Король
долженъ избрать Гофмейстера Ка-
спильскому Принцу. Гормасъ думаетъ,
что никто кроме его не имѣетъ пра-
ва на сїе достоинство; но Король изби-
раетъ донъ-Діега. Графъ, исполнен-
ной зависпи и досады, оскорбляетъ сего
послѣдняго, называя его недостойнымъ
оказанной ему чести. Ониссорящія
ажаютъ мечи — Гормасъ обезоръ-
обнѣшъ Діега, повергаетъ его перед
жизнью, и съ презрѣніемъ оставляетъ
себо

его. (У Корнеля онъ даетъ ему пощечину.) Діего, униженцой и посрамленной въ собственныхъ своихъ глазахъ, заклинаетъ сына своего отмстить Графу. Родриго, помышляя, что онъ отецъ Хименинъ, колеблется; но скоро должностъ торжествуетъ — онъ вызываетъ Графа на поединокъ, и убиваетъ его. Вотъ завязка прагадіи. Теперь слѣдуетъ одна изъ лучшихъ сценъ въ пїесѣ. Съ одной стороны, являясь передъ прономъ Химена, и требуетъ отъ Короля суда на убийцу отца своего, хотя сей убийца есть ея любовникъ; а съ другой донъ - Діего, оправдывающій своего сына. Король обѣщаетъ судъ. Донъ - Санхо, молодой рыцарь, влюбленной въ Химену, вызывается быть испителемъ. (Тутъ Сочинитель Русскаго Сида удаляется отъ Французскаго оригинала; но мы послѣдумъ плану сего послѣдняго, и по томъ означимъ опмѣны въ планѣ перваго.) Химена не принимаетъ его предложенія, на-

дѣясь на правосудіе, обѣщанное Королемъ. Родриго приходитъ къ ней, и требуетъ смерти отъ руки ея. Любовь съ должностю сражаются въ сердцѣ Химены. Она признается въ первой, однако жъ хочетъ требовать Родриговой головы, и умереть съ нимъ вмѣстѣ. — Между тѣмъ Мавры неизменно приближаются къ городу. Все въ смятѣи и въ безпорядкѣ. Печальной Родриго присоединяется къ друзьямъ отца своего, которые собрались у него въ домѣ; вмѣстѣ съ ними идетъ противъ Мавровъ, нападающихъ на нихъ, и оказавъ удивительную храбрость, побѣждаетъ, и съ лаврами къ Королю возвращается. Въ самую минуту, когда Король обнимаетъ въ немъ спасителя своего и даетъ ему имя *Сид* или *побѣдителя*, приходитъ Хименъ требовать правосудія. Сидъ удаляется. Король, подозрѣвая, что она въ еще любитъ Родрига, и желая въ то увѣришься, сказываетъ ей, что Суза отмстила за нее, и что Родригъ убитъ въ сраженіи. Она блѣдишь

Си

Сидѣ живъ, говориша Король, —
живъ, любиша тебя, и рука твоя
должна быть ему наградою за славную
побѣду. Но Химена, снова воору-
жась твердостію, обѣщаешъ руку
свою тому изъ рыцарей Королевскихъ,
кто убьетъ Родрига. Донъ - Санхо
выступаетъ съ мечемъ, и Король со-
глашается на сей поединокъ. Но кто
изъ нихъ будетъ побѣдителемъ, го-
вориша онъ, тошъ долженъ быть
супругомъ Химены. Въ началѣ пятаго
дѣйствія приходитъ Родриго къ Хи-
менѣ, проспившися съ нею на вѣки.
Онъ рѣшился умереть отъ руки того,
кому она поручила свое мщеніе; хо-
чешъ обнажить грудь свою передъ ме-
чемъ своего противника, и пась отъ
удара его. Вся сила любви возбуж-
дается въ сердцѣ Химены. Когда ты
презираешь жизнь и честь свою, гово-
риша она, то вспомни, что я нѣ-
когда тебя любила, и что рука моя
должна быть наградою побѣдителя —
вспомни, и побѣди! Съ сими словами
она поспѣшно удаляется, и восхищен-

ной Родриго чувствуетъ въ себѣ силу сразиться съ тысячами и побѣдить (*). Сражаются — Сидъ обезоруживаетъ своего противника, и посыаетъ его къ Хименѣ повергнуть мечъ свой къ ея ногамъ и признаться побѣжденнымъ. Химена, видя Санха входящаго съ мечомъ въ рукѣ, почитаетъ его побѣдителемъ, и не давъ ему сказать ни слова, предается отчаянію, и передъ самимъ Королемъ обнаруживаетъ все свое сердце, любви исполненное. Родриго является и надаетъ къ ногамъ ея.

(*) Я видѣлъ Сида на Парижскомъ Театрѣ, и помню, что сіе мѣсто трагедіи сдѣлало во мнѣ пріятное впечатлѣніе. Сенъ-Фаль, молодой человѣкъ, имѣющій всѣ нужныя для актера дарованія, игралъ роль Сида. Въ самую ту секунду, когда Химена сказала: *Sors vainqueur d'un combat dont Chimène est le prîx*, лице его перемѣнилось; послѣ печального унынія изобразилась на немъ живѣйшая радость; глаза его наполнились огнемъ; вынувъ мечъ и поднявъ руку свою, произнесъ онъ голосомъ героя, увѣреннаго въ своей побѣдѣ, сей стихъ *Est-il quelque ennemi qu'a présent je ne domine?*

ся. Король хочешъ соединить любовниковъ; но щадя честь Химены, отсрочиваешъ бракъ ихъ; посылаешъ Сида преслѣдовать Мавровъ, и заключаешъ Трагедію сими стихами:

Pour vaincre un point d'honneur qui combat contre toi,
Laisse faire le temps, ta vaillance, et ton roi.

Сочинитель Русской трагедіи перемѣнилъ порядокъ приключеній. Его Сидъ выходитъ на поединокъ съ донъ-Санхомъ прежде сраженія съ Маврами, и противъ сихъ послѣднихъ идетъ онъ не добровольно съ друзьями отца своего, но самъ Король посылаетъ его и доцъ - Санха, поручая имъ свое войско, и обѣщаю Химену тому, кто окажетъ болѣе храбости. Сидъ возвращается съ побѣдою, и Король, признавая его достойнымъ Химениной руки, оставляетъ времени совершившъ бракъ ихъ (такъ же, какъ у Французскаго Авпора).

Корнель, сочиняя своего Сида, имѣлъ у себя передъ глазами двѣ Гишпанскія драмы (*) сего содерянія, изъ которыхъ, говориша Вольшеръ, взялъ онъ самыя лучшія и прогательнѣйшія мѣста своей трагедіи, бывшей, шакъ сказать, основаніемъ его славы; ибо до того времени знала его Французская Публика только по Клипандру и Медеѣ, двумъ весьма несовершеннымъ трагедіямъ. Сидъ долгое время былъ любимѣйшею піесою Парижской Публики, и самые новѣйшіе Французскіе Писатели почитаютъ его еспѣли не лучшю, что по крайней мѣрѣ прогательнѣйшую изо всѣхъ Корнелевыхъ трагедій. Впрочемъ, по признанію Французской Академіи, Сидъ имѣетъ пороки, и великіе пороки. Вѣрояшно ли на прим. то, чтобы добродѣтельная дѣвица, какою Авторъ хотѣлъ представить Химену, могла рѣшить ся быть супругою убийцы отца своєго.

(*) Одну сочинилъ Діамантъ, а другую Г. Касиро.

его, въ самой той же, въ которой убийство совершилось? Вольшеръ берется оправдывать сю развязку трагедіи, но въ самомъ дѣлѣ ни мало ее не оправдываетъ. „Химена не выходитъ за мужъ за Сида,“ говорить онъ: правда, но она даетъ чувствовать, что пойдетъ за него — а это все одно. Вѣроятно ли даже и то, чтобы Король, не будучи самымъ грубымъ и нечувствительнымъ человѣкомъ, вздумалъ въ топѣ день говорить ей о бракѣ? — Хотя Химена по Исторіи въ самомъ дѣлѣ вышла за Родрига; однако жь, если она подлинно была такъ добронравна, какъ говорятъ объ ней Гишпанскіе Историки и Поэты, то конечно *не такъ скоро* по смерти отца своего вздумала она ити за него. Можно согласиться съ Корнелемъ,

*Que le temps assez souvent a rendu légitime
Ce qui semblait d'abord ne se pouvoir
sans crime.*

Къ тому же есть такія приключенія, которыя хороши только для Историка, а не для драматического Пo-

Поэта. Историкъ долженъ описывать все , какъ было , не думая о впечатлѣніи , которое сдѣлаетъ въ читателѣ описанное имъ приключеніе ; но драматической Поэтъ долженъ имѣть у себя въ предметѣ извѣсное дѣйствіе , то есть , онъ долженъ производить въ зрителѣ или радость или горесть . Иногда , въ теченіи драмы , можетъ онъ маниТЬ его радостными видами , для того , чтобы наконецъ заспавить его шѣмъ сильнѣе чувствовать горесть . Такъ на прим. въ Эмиліи Галопти Одоардо говоришъ о томъ щастїи , кошорымъ дочь его въ объятіяхъ любви будешь наслаждаться , а послѣ произнаешь ее кинжаломъ . Иногда Поэтъ предсталяетъ героевъ своихъ на краю погибели , — т. е. производить въ насъ печальные чувства — для того , чтобы послѣ спасши ихъ , заспавить насъ шѣмъ больш радоваться . Такъ на прим. въ Расиновой Ифигеніи до послѣдней сцены вс пчально ; но наконецъ Ифигенія спасена , и зритель вдругъ развеселенъ

ся въ душѣ своей. Коротко сказасть, развязка драмы непремѣнно должна быть или печальна или радоспна для зрителя и оспавлять въ немъ чистыя, несмѣшнныя чувства. Теперь я спрашиваю, какого рода есь развязка Корнелева Сида? Ее не льзя назвать печальною, для того что зришель видишъ соединеніе любовниковъ, или увѣренъ въ томъ, что оно безпрепятственно послѣдуешъ. Но ее не льзя назвать и радоспною, для того что онъ не можетъ одобрить сего соединенія, и не можетъ почиташъ его щастливымъ. Мысль, что Химена рано или поздно будешъ мучима совѣстю, и вспомня, какъ умеръ отецъ ея, можетъ увидѣшь въ супругѣ своемъ убийцу, обагренного кровью; мысль, что въ самыхъ нѣжныхъ объятіяхъ любви можетъ ей представиться укоряющій образъ отца — сїя мысль мѣшаєшъ зришлю радоваться. — Но почему же Сидъ могъ такъ нравиться Французской Публикѣ? Потому что въ немъ есь хорошия сцены и прогапельные чувства;

спва; потому что въ немъ много прекрасныхъ стиховъ. — Послушаемъ, что вообще о Французскихъ трагедияхъ, а особенно о Корнелевыхъ, говорить одинъ изъ оспроумнѣйшихъ Французовъ, д' Алембертъ, въ письмѣ къ другу своему Вольтеру, которою прислалъ къ нему свои примѣчанія на Корнелева Цинну (Correspondance de Mr. de Voltaire, 89 томъ полныхъ его сочиненій). Voulez vous que je vous parle net, comme misanthrope, et sur la pi ce et vos remarques? Je vous avouerai d'abord que la pi ce me paraît d'un bout à l'autre froide et sans intér t; que c'est une conversation en cinq actes, et en style tantôt sublime, tantôt bourgeois, tantôt surann ; que cette froideur est le grand défaut, selon moi, de presque toutes nos pi ces de th âtre, et qu'à l'exception de quelques sc nes du Cid, du cinqui me acte de Rodrigue et du quatri me d'Heraclius je ne vois rien (particuli rement dans Corneille) de cette *terreur* et de cette *piti * qui fait l'ame de la trag die. Si je suivais donc mon penchant, je dirais que presque toutes ces pit

pièces sont meilleures à lire qu'à jouer ; et cela est si vrai qu'il n'y a presque personne aux pièces de Corneille, et médiocrement à celles de Racine (*). — Сей ужасъ, сюю жалость, которые д'Аламберъ весьма справедливо называетъ душою трагедіи, найдемъ мы въ Шекспирѣ и въ нѣкошорыхъ Нѣмецкихъ драматическихъ Сочинителяхъ. Француз-

---

(*) То ешь : „Хотите ли, чтобы я какъ мизантропъ прямо скажаъ вамъ свое мнѣніе о піесѣ и вашихъ примѣчаніяхъ ? Мы кажемся , что піеса отъ начала до конца холодна и неинтересна ; что она ешь ничто иное , какъ разговоръ въ пяти актахъ , писаной то высокимъ , то низкимъ , то стариннымъ слогомъ ; что сія холодность есть великой недостатокъ почти всѣхъ нашихъ шеашральныхъ піесъ , и что кроме нѣкошорыхъ сценъ въ Силѣ , пашаго дѣйствія въ Родогенѣ и четвертаго въ Иракліи , никогда нѣтъ (а особенно въ Корнелѣ) сего ужаса , сей жалости , которые составляютъ душу трагедіи. И такъ , по моему мнѣнію , всѣ сіи піесы лучше для чтенія , нежели для представленія. Пошому . что нынѣ почти никого не бываєтъ шеашръ , когда играютъ Корнелевы трагедіи ; и очень не много , когда Расиновы представлютъ . „

ицузскія трагедіи можно уподобить хо-
рошему регулярному саду, гдѣ много
прекрасныхъ алей, прекрасной зелени,
прекрасныхъ цвѣтниковъ, прекрасныхъ
бесѣдокъ; съ пріятностю ходимъ мы
по сему саду и хвалимъ его; только
все чего-шо ищемъ и не находимъ, и
душа наша холодною остается; вы-
ходимъ, и все забываемъ. Напрошивъ
шого Шекспировы произведенія упо-
доблю я произведеніямъ Напуры, ко-
торыя прельщаютъ насъ въ самой своей
нерегулярности; которые съ неопи-
санною силою дѣйствующіе на душу
нашу, и оставляютъ въ ней незагла-
димое впечатлѣніе.

Обращаясь къ Рускому Сиду, ска-
жемъ, что сія трагедія, которой
на нынѣшнее лѣто Театръ закрылся,
была очень хорошо принята Москов-
скою Публикою. Многіе прекрасные
спихи были замѣчены, и громкія рук-
плесканія раздавались въ партерѣ и въ
ложахъ.

Гж. Марья Синявская предста-
вляла Химену, и во многихъ мѣстахъ

своей роли по справедливости заслуживала рукоплесканіе зрителей. Г. Лапинъ игралъ роль Діега, Г. Сахаровъ Родрига, а Г. Померандевъ Гормаса. Кажется, что первой могъ бы лучше представлять гордаго, пламенаго Гормаса, а послѣдній спартаго и слабаго Діега; по крайней мѣрѣ такъ думали многіе изъ зрителей.

XIII.

О ИНОСТРАННЫХЪ КНИГАХЪ.

Voyage du jeune Anacharsis en Grèce, dans le milieu du quatrième Siècle avant l'Ère vulgaire. 7 vol. Путешествіе младаго Анакарсиса по Греціи, въ срединѣ тетвертаго вѣка передъ Рождествомъ Христовымъ. 7 томовъ.

Сіе сочиненіе, надъ которымъ Авторъ, Г. Аббатъ Барпелеми, болѣе тридцати лѣтъ трудился, и въ которомъ умѣлъ онъ соединить строгую историческую испину съ пріят-

иоспію предложенія, есть рѣдкое явленіе въ липшературѣ.

Цѣль нашего Автора есть та, чтобы въ прекрасной картины представить всѣ достопамятности древней Греціи — ея политическое и воинское состояніе, разные народы и города, литературу, нравы, добродѣтели и пороки. Онъ избралъ для сего самой лучшій способъ, полагая, что Анахарсисъ, молодой Скиѳъ, гдѣ за два до рожденія Александрова прїѣхалъ жить въ Аѳины, а оттуда ѿздѣлъ и въ другіе города, и замѣчалъ различія, характеры и мѣстныя достопамятности сихъ народовъ; наконецъ же, когда Филиппъ покорилъ Трецію, возвратился въ Скиѳию, и привелъ тамъ въ порядокъ свои бумаги. Сей образъ предложенія весьма пріятенъ; и выписки Ученаго, которые стоили ему ужасныхъ трофеевъ, кажутся читателю ингерснымъ журналомъ пушечеспвенника или повѣствованіемъ очевидца. Смое времѧ весьма искусно выбрано
вр

время, которое можно назвать послѣднею эпохой цвѣтущей Греціи; въ которое жили Эпаминондъ, Фокіонъ, Ксенофонтъ, Демосѳенъ, Платонъ, Аристиппъ, Аристотель и другіе великие Республиканцы, вмѣстѣ съ двумя великими Царями, Филиппомъ и Александромъ; въ которое блистали еще Аѳинь, Сиракузы и Коринѳъ; въ которое жили еще современники Сократовы, Эврипидовы, Альцибіадовы, Аристофановы, Никіасовы, Паризевы и Фидіасовы; въ которое хотя исчезла свобода Греціи, но имѣя скоро сдѣлалось для всей Азїи еще ужаснѣе прежняго.

Чтобы послѣ не перерывать нити своего повѣствованія, что въ первой части, служащей введеніемъ къ прочимъ, сообщаетъ онъ Исторію Греціи отъ древнѣйшихъ временъ ея до взятія Аѳинъ Лизандеромъ. Происшествія собраны съ великимъ спа-
раніемъ; повѣствованіе же кратко, но всегда пріятно. Между тѣмъ надобно помнить, что Сочинитель говоритъ

именемъ Анахарсиса, и въ связи съ послѣдующимъ. По чьему можно спра-
ведливѣе назвать сїе Исторію Аѳинъ,
нежели Исторію всей Греціи. Спар-
та, Коринѣй, Фивы, упоминаются въ
отношении къ Аѳинамъ. Только въ
такъ называемомъ *героическомъ* вѣкѣ
проходитъ онъ Исторію *всей* Греціи,
отдѣляя отъ нее, сколько можно, все
баснословное, и заключаетъ ее иску-
снымъ изображеніемъ Гомера (стр. 76).
Слѣдующая 300 лѣтъ раздѣляетъ онъ
на три эпохи: на вѣкъ *Солоновъ* или
законовъ, на вѣкъ *Остистокловъ* и
Аристидовъ, или вѣкъ *славы*, и на
вѣкъ *Перикловъ*, или вѣкъ *роскоши*
и *искусства*. Въ первой эпохѣ съ от-
мѣннымъ пищеніемъ изобразилъ онъ за-
коны Солоновы. Мудрость, которую
сей великий законодатель оказалъ въ
своихъ политическихъ учрежденіяхъ,
представилъ онъ ясно, кратко и убѣ-
дительно. Намъ встрѣтились только
нѣкоторыя малости, требующія по-
правленія. Напр. (страница 103) Авторъ
говоритъ рѣшильно, что Солонъ
уни-

уничтожилъ всѣ долги. Сїе мнѣніе есть конечно обыкновенное; однако жь Плутархъ точно говорицъ, что нѣкоторые пишутъ только объ уменьшении проценпovъ. — ВЪ разсужденіи безчестія, положенного Солономъ на лѣность (спран. 122), достойно примѣчанія то, что съ большею точностью говорицъ о семъ Поллуксъ: „Кого три раза застали въ праздности, того надлежало объявить безчестнымъ.” — Авторъ, кажется, думаетъ, что Солонъ только за смертоубийство смертю наказывалъ; но Плутархъ говоритъ точно, и еще съ неодобреніемъ, что онъ позволилъ убивать и *прелюбодѣевъ*. Диогенъ Ласцій пишетъ, что по крайней мѣрѣ нѣкоторыя воровства также смертю наказывались. Эсхинъ, въ рѣчи своей пропивъ Тимарха, упоминаетъ о другомъ законѣ, которой невѣрной женѣ запрещалъ украшаться, и позволяль срывать съ нее одежду и бить ее, только не уязвлять и не убивать до смерти. И прочие законы, касательно

до супружества, о которыхъ говорить Плутархъ, споили бѣ того, чтобы упомянуть обѣ нихъ; а особенно тѣмъ, что каждой мужѣ обязанъ по крайней мѣрѣ три раза въ мѣсяцъ исполнять супружескую должность, еспѣли жена его *богата*. Такія черты весьма примѣчанія достойны. Сюда бы принадлежалъ и законъ противъ неблагодарности, о которому упоминаетъ Валерій Максимъ, равно какъ и учрежденіе касающееся до землемѣрия. — Сравненіе, которое (страница 142) авторъ дѣлаетъ между Солономъ и Ликургомъ (следуя отчасти Плутарху), хотя само по себѣ и справедливо, однако жъ не уместно; ибо читатель совсѣмъ еще не знаетъ Ликурговыхъ законовъ, о которыхъ говорится уже въ четвертомъ томѣ.

Ко впорой эпохѣ принадлежитъ война Дарія и Ксеркса съ Грецією. „Не безъ труда могъ я рѣшиться, говоритъ Анахарсисъ, описывать сраженія. Довольно знать и того, что войны начинаются отъ честолюбія”

а кончается погибелю народовъ. Но примѣръ націи, предпочитающей смерть рабству, достоинъ всего вниманія, и умолчать о немъ не возможно., — Г. Баршелеми правъ. Сїя война есть конечно одна изъ самыхъ примѣчанія достойнѣйшихъ, и онъ описываетъ ее съ удивительною силою. Мы сравнивали его съ Джилліевою Греческою Исторіею; но Французъ вездѣ посрамляетъ Англичанина. Никто еще не изображалъ такими живыми красками благоразумія Фемиспоклова, справедливости Аристидовой и геройства Леонидова, какъ Баршелеми. Только въ иныхъ мѣстахъ желали бы мы болѣе подробности. Такъ на пр. Сочинитель слишкомъ коротко сказалъ о смерти того Павзанія, которой при Платеѣ игралъ такую важную роль (стран. 260).

Въ Исторіи третіей эпохи, которую называетъ Авторъ вѣкомъ Перикловымъ, представляеть онъ не съ достаточностью основательностью нѣкоторыя дѣла и учрежденія сего великаго

мужа. Напр. (стран 218) говоритъ онъ: „Подъ *истожными* предлогами опиялъ Периклъ властъ у Ареопага, которой сильно противился развращенію нравовъ и новымъ обычаямъ.“ Когда онъ униженіе Ареопага поставилъ главною причиной паденія Аѳинъ, то ему надлежало бы предложить сіе съ большою точностию. Начало Пелопонесской войны (стран. 291 - 306) описывается весьма прописанно; напропивъ того о последствіяхъ оной говорится весьма коротко. О важномъ сраженіи при Арги-нузѣ и несправедливомъ судѣ Аѳинскаго народа, обвинившаго своихъ Наварховъ, ничего не упоминается. О дѣлахъ Альцибіадовыхъ, по возвращеніи его въ отчество, также ни слова не сказано. Такіе пропуски производятъ всегда нѣкоторую неровность. — Напропивъ того разсужденія въ заключеніи сего тома достойны всей похвалы.

И такъ во впоромъ томъ юной Анахарсисъ отправляется въ путь
Онъ

Онъ проходитъ отъ славного Скиоа
сего имени, т. е. Анахарсиса. Жела-
ніе подражать ему, а особливо обхо-
жденіе съ однимъ Фивскимъ урожен-
цомъ, Тимагеномъ, которой въ похо-
дѣ младшаго Кира былъ взятъ въ
плѣнъ и проданъ въ Скиою, побудило
его предпріять путешествіе въ чужія
земли. — Таврической Херсонесъ есть
первая земля, которую онъ описы-
ваетъ, и гдѣ царствовалъ Тиранъ Лев-
конъ. Оттуда ѿдетъ онъ на корабль
въ Лезбосъ, и корабельной Капишанъ
рассказываетъ дорогу Тимагену, къ
величайшему его удивленію, что оте-
чественной его городѣ, посредствомъ
Эпамионда, началъ играть первую
роль въ Греціи. По томъ описыва-
ются Византія, спраны Геллеспонта,
мѣста, которыя Гомеръ безсмерт-
ными сдѣлалъ, и Греческія колоніи; а
проспраннѣе оныхъ описывается Лез-
босъ и Эвбея. Анахарсисъ пристаетъ
въ Авлисъ, и отправляется сперва
въ Фивы. Послѣ, во второмъ путе-
шествіи, описываетъ онъ нравы

Беотийскихъ жителей. На сей разъ Эпамиондъ есть единственной предметъ его; и картина, въ которой представлена онъ сего мужа, выше всякой похвалы. Нѣкоторые примѣчательные анекдоны жизни его собраны съ великимъ спараніемъ изъ разныхъ Сочинителей, и предложены въ наилучшемъ порядкѣ. Только читая одинъ изъ сихъ анекдотовъ, Рецензентъ удивился, что Авторъ пропустилъ половину его, и пришомъ важную. „Миципъ, юноша, любезной Эпамионду, уведомляетъ его, что Діомедонъ Цизикской, посланной великимъ Царемъ, прибылъ въ Оивы, привезъ для Эпамионда знатные дары, и ему Миципу далъ пять талантовъ. Эпамиондъ призываетъ къ себѣ Діомедона и говоритъ ему:,, Есть ли желанія Аршаксерковы согласны со благомъ моего отечества, то дары не нужны; а есть ли оныхъ вредны Оивамъ, то я за все зло по его дарству не захочу быть измѣнникомъ. Ты по своему сердцу заключай о моемъ: я прощаю тебѣ. Но удались ско-

скорѣе изъ Тивѣ, чтобы ты не развратилъ моихъ согражданъ. А ты, Мицитъ, въ сю же минуту возврати ему свое золото, или я предамъ тебя суду.,,

— Такъ повѣствуетъ Авторъ, слѣдя Корнелію Непому. Но сей прибавляетъ еще слѣдующее: „Послѣ того проситъ Діомедонъ вѣрныхъ проводниковъ, чтобы не отняли у него привезенныхъ имъ даровъ. Я ихъ дамъ тебѣ, отвѣчаетъ Эламинондъ: только не для тебя, а для себя, чтобы не сказали, будто я всенародно отказался отъ даровъ для того, чтобы послѣ тайно отнять ихъ.,, — Анахарисъ (стран. 103) прїѣзжаетъ въ Аѳины. Сообразно съ планомъ своимъ, описываетъ онъ политическихъ учрежденія сего города не въ цѣломъ, а по частямъ, и описание свое перерываетъ иногда повѣствованіемъ. Сперва говоритъ о мѣстахъ и различныхъ классахъ жителей Аѳики. По томъ описываетъ Академію, Платона и первыхъ учениковъ его, которыми противополагается Діогенъ. — Фокіонъ,

Ти-

Тимоѳей и Хабрій составляютъ прекрасныя картины въ первыхъ чертежахъ. Послѣ включенаго описанія Гимназій являемся Исократъ. Авторъ весьма искусно изображаетъ смѣсь величества и слабости, скромности и суевѣнности въ семъ примѣчанія достойномъ человѣкѣ, котораго заставляетъ онъ самого говорить. Только иѣкоторыя рѣчи Аполлодоровы кажутся намъ слишкомъ отборными. — Послѣ описанія военныхъ школъ и похоронъ, ѿдѣтъ Анахарсисъ на короткое время въ Коринѳъ, гдѣ знакомится съ Ксенофонтомъ и Тимолеономъ. — Во время ихъ пребыванія въ Коринѳѣ, сей послѣдній изъ любви къ отечеству отдаетъ на смерть своего брата. — Аѳиняне приготавляются къ войнѣ съ Фивами. Анахарсисъ описываетъ ихъ воинскія учрежденія. Самъ Ификратъ изясняетъ часть своей Тактика. — Представленіе Софокловой Антигоны подаетъ случай къ крашкому описанію Аѳинскаго Театра. — Весьма обширно изображаетъ Авторъ городъ

Аєины. — Даюшъ сраженїе при Ман-
тинеѣ, и Эпамиондъ умираетъ смер-
тію доспойною своей жизни. — Тутъ-
то уже Анахарсисъ описываетъ по-
дробно правленіе Аєинъ, Сенаторовъ,
судилища, Ареопагъ, жалобы, слѣд-
ствія и наказанія въ сей Республике.
Мы не можемъ входить съ Авторомъ
во всѣ подробности. — Въ первыхъ
отдѣленіяхъ снова говорится о нѣко-
торыхъ Солоновыхъ учрежденіяхъ, о
которыхъ говорено уже было въ пер-
вомъ томѣ; но сїе повтореніе нужно
для того, чтобы показать, какимъ
образомъ столь мудрые въ началѣ Аєин-
скіе законы спали быть злоупотреб-
ляемы. — Авторъ весьма хорошо из-
ображаетъ весь Аєинской народъ. Мы
не можемъ удержаться, чтобы не
перевести сего описанія. „Сей на-
родъ, весьма пылкой и перемѣнчивой
въ своихъ чувствованіяхъ, имѣетъ
въ характерѣ своеемъ противопо-
ложныхъ качествъ болѣе, нежели
какой другой народъ, и весьма ле-
тко можетъ быть обольщаемъ.

„Исто-

,, Исторія представляєшъ намъ его то,
,, спарцемъ, котораго можно обманы-
,, вать безъ всякаго страха; по мла-
,, денцемъ, котораго беспрестанно за-
,, бавляшь должно. Иногда видимъ въ
,, немъ проницаніе и чувства великихъ,
,, душъ. Удовольствія и свободу, по-
,, кой и славу любитъ онъ до чрезмѣр-
,, ности; упиваешься похвалами ему
,, приписываемыми, и плесками оказы-
,, ваетъ свое удовольствіе тому, кто
,, укоряетъ его справедливо. По са-
,, мымъ первымъ словамъ понимаешъ
,, онъ планы, ему сообщаемые; но не
,, имѣетъ терпѣнія выслушать по-
,, дробности и представить себѣ всѣ
,, слѣдствія дѣла. Онъ заставляетъ
,, препечатать судей своихъ въ те-
,, самое время, когда прощаетъ злѣй-
,, шихъ своихъ враговъ; вдругъ перехо-
,, дитъ изъ ярості въ жалость;
,, изъ робости въ дерзость, изъ
,, справедливости въ раскаяніе. О-
,, легкомысленъ и вѣренъ до тог-
,, что въ дѣлахъ самыхъ важныхъ,
,, даже въ обстоятельствахъ опча-
,, ны.

,, ныхъ, одно безъ мыслей сказанное
,, слово, одна щасливая мысль, ма-
,, лѣйшій предметъ, малѣйшій случай,
,, только чтобы онъ былъ не умыш-
,, ленной, можетъ разсѣять спрахъ
,, его, или отвратить его отъ соб-
,, ственной пользы. Такимъ образомъ
,, случилось нѣкогда, что почти цѣлое
,, собраніе вскочило и бросилось за-
,, маленькою птичкою, которой юный
,, Альдибадъ, говорившій еще въ пер-
,, вой разъ всенародно, выпустилъ изъ
,, за-пазухи. Такимъ же образомъ и
,, почти въ самое тоже время Ора-
,, торъ Клеонъ, ставъ идоломъ Аѳи-
,, нянъ, хотя они въ самомъ дѣлѣ и
,, ни мало не почищали его, могъ
,, играть ихъ пристраспіемъ, — и
проч. Изображенія сего рода (хотя
Аѳиняне и часто изображаемы были)
показываютъ Историка, совершенно
вшедшаго въ духъ описываемой имъ
націи. Нѣтъ ни одной строки лиш-
ней, нѣтъ ни одного слова ненуж-
наго. — Естьли въ Аѳинахъ только
для однихъ убийцъ было четыре су-

диллица; естьли въ Аттиковъ, по сло-
вамъ нашего Автора, было не болѣе
20000 годныхъ воиновъ, а избиралось
ежегодно 500 судей (спран. 317); то
по сему не можемъ мы хорошо ду-
мать объ учрежденіи сей славимой
Республики. А умышленное убийство
судилось еще въ Ареопагѣ. — По томъ
(спран. 333 — 380) описывается гра-
жданская жизнь Аѳинянъ. Съ симъ ош-
адѣленіемъ соединили бы мы XXV главу,
гдѣ Авторъ (спран. 500 - 530) гово-
ритъ о домахъ и пиршествахъ сего
народа. Все то, что въ сей послѣд-
ней главѣ сказано о главныхъ кушань-
яхъ и споловыхъ обрядахъ Аѳинянъ,
взято по большой части изъ Атеней,
и предложено пріятнымъ образомъ.
Одѣль спр. 381 до 419 описывается
ихъ религія, священники, жертвопри-
ношенія и то, что они называли *пре-
ступленіями*, или *оскорблѣніями ри-
лігіи*. Сюда же бы, кажется, принад-
лежала та глава, гдѣ онъ говоритъ
ихъ празднествахъ. — Между имен-
ными тѣхъ, которыхъ ложно обвинялъ

въ безбожіи, не нашли мы Эвріпідова имени. — Анахарсисъ єдетъ въ Фокиду, и въ семъ путешесствіи описываетъ Пиѳейскія игры, Оракулъ въ Дельфахъ и драгоцѣнныя произведенія искусства, посвященныя Аполлону благодарнымъ суевѣріемъ. Прекрасно изображается Пиѳея, сидящая на треножнике и дающая отвѣты. — Смерть Агезилаева и восшествіе на престолъ Македонскаго Царя Филиппа (страница 492) перерываетъ на некоторое время описанія. По томъ, до конца тома, говоритъ Авторъ о празднественныхъ обрядахъ и пиршествахъ Аѳианъ, о чёмъ мы выше упоминали.

(*Продолженіе впередъ.*)

Имена Особъ, подпиавшихся на Курналъ въ Июнѣ мѣсяцѣ.

Въ Москвѣ Его Благородіе Иванъ Петровичъ Неустроевъ.

Его Высокоблагородіе Алексѣй Алексѣевичъ Бехтѣевъ.

Его Благородіе Иванъ Родионовичъ Башевъ,

Его Высокоблагородие Александръ Са-
вичъ Малыгинъ.

Его Сиятельство Князь Михайло Яков-
левичъ Хилковъ.

Его Благородие Федоръ Пантелейевичъ
Печеринъ.

Его Высокоблагородие Михайло Андре-
евичъ Козаковъ.

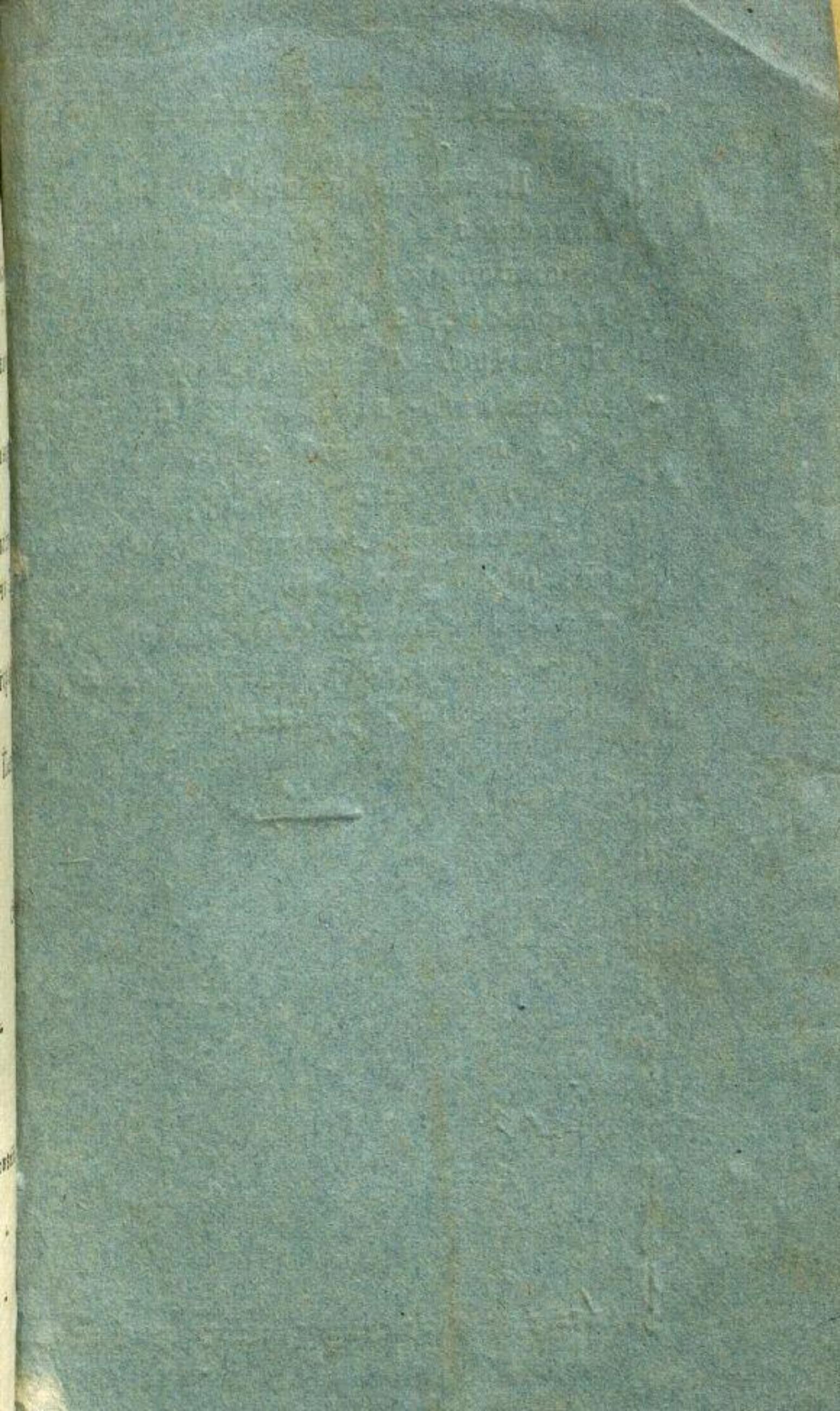
Въ Егорьевской крѣпости Его Высоко-
благородие Николай Федоровичъ Ти-
товъ.

Въ Бѣловодскѣ Его Высокоблагородіе
Петръ Никишичъ Поповъ.

Въ Ростовѣ Его Благородіе Петръ
Федоровичъ Броневской.

СОДЕРЖАНИЕ.

- I. Къ богинѣ здравія
- II. Стансы
- III. Быль
- IV. Мысли глухаго
- V. Элиграмма
- VI. Софія
- VII. Фролъ Силинъ, благодѣтельной чѣловѣкъ;
- VIII. Смѣсь
- IX. Письма Руск. Путешественника
- X. Нравственное удовольствіе
- XI. Мысли въ день моего рожденія
- XII. Московской Театръ
- XIII. О иностранныхъ книгахъ

Подписка на сей Журналъ при-
нимается здѣсь въ Москвѣ въ Уни-
верситетской книжной лавкѣ на
Тверской, а въ другихъ городахъ
въ Почтѣ-Амтахъ. Весь тодѣ она-
го стоитъ въ Москвѣ пять руб.
а съ пересылкою семь. Кому же
угодно будеѣ изъ другихъ горо-
довъ послать деньги прямо въ лав-
ку, того просимъ Издатель сооб-
щить при томъ свой адресъ, и въ
такомъ случаѣ ручається за вѣрное
доставленіе Журнала.
